

Доктор Ги Дзен

**ПСИХИАТР
ДОКТОР ЗАК,
БАРИН
И ЕГО НАРОД**

Москва 2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-4
Д 63

Доктор Ги Дзен
Д 63 Психиатр доктор Зак, Барин
и его Народ. – М.: Издательство
«Спутник +», 2016. – 184 с.

ISBN 978-5-9973-4093-3

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN 978-5-9973-4093-3

© Доктор Ги Дзен, 2016

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Писатель проснулся рано утром от холода. Холод проникал в конечности, сковывал их намертво и будил ужас в душе, напоминая о чем-то страшном, однако забытом, утонувшем в веках, проглоченном беспощадным временем. Однако это могло быть и предостережением о будущем, которое, однажды перемешавшись с настоящим и прошлым, теперь представляло некую абстрактную точку, похожую на кнопку. Писатель протянул руку, чтобы до нее дотронуться, однако не стал этого делать, а встал, натянул шаровары, кирзовые теплые сапоги, тельняшку, поверх накинул солдатскую шинель и пополз в сторону печи. С трудом закинув дрова внутрь, Писатель зажег огонь и некоторое время грелся, с наслаждением глядя на разгорающееся пламя. Немного согревшись, он подошел к окну и посмотрел на еще темное утреннее небо. Обычное зрелище – очередная партия ракет летела на Марс, неся с собой несколько сотен любопытных туристов. Он внезапно услышал, как кто-то

скребется по оконному стеклу снаружи, и увидел существо с головой вороны и туловищем обезьяны. Существо смотрело на Писателя огромными задумчивыми глубокими философскими с поволокой глазами. Писатель открыл форточку, и оно прыгнуло в комнату. Приземлилось на столе и внимательно, с интересом посмотрело на Писателя.

– Привет,– сказал он, улыбнувшись, – кто бы еще сто лет назад мог сказать, что такое существо, как ты, жизнеспособно.

– Ха! – ответило существо. – А кто пятьдесят лет назад мог представить, что многочисленные вселенные в третьем глазу любого из нас такие же реальные, как и наша, в которой мы находимся сейчас, и мы можем в собственном материальном теле путешествовать туда и обратно, да еще к тому же переноситься в любой момент прошлого или будущего. Какие были странные люди в древности, наивные... Они все делили на сон, бодрствование, грезы, мечты, иллюзии, галлюцинации, фантазии, а время – на прошедшее, настоящее, будущее... Они еще не понимали, что все это, включая их самих, разные грани бесконечных реальностей, которые, как пластилин, могут менять форму.

– Да, наивные! – согласился Писатель, – ты, наверное, хочешь, чтобы я тебе почитал главы из романа?

– Да, конечно, – ответило существо, – ты уже начал писать?

– Решил начать сегодня, – сказал Писатель извиняющимся тоном.

– Нуууу, – разочарованно протянуло существо... А я надеялся...

– Извини, – Писатель пошел обратно к печи, чтобы подбросить поленьев.

– Приходи завтра, – сказал он, – обязательно что-нибудь уже напишу.

– Хорошо, – существо прыгнуло в открытую форточку и исчезло.

Писатель вскипятил воду, заварил чай и долго и медленно его пил, все глубже и глубже погружаясь в вязкую материю времени.

Доктор Зак сидел за письменным столом в офисе, ожидая Нечто. Время бежало, не обращая внимания на задумчивого психиатра. Он пытался поймать момент, слиться с ним и обрести спокойствие и мудрость Востока. В борьбе со временем доктор проигрывал. Оно откидывало его в прошлое, будущее, где

он разочаровывался, надеялся, грустил, тосковал, радовался, восхищался и гневно щелкал зубами, теряя оптимизм в сражениях с реалиями. Оптимизм был настоен на надеждах и рассказах свидетелей и выглядел как кисель, вязкий, красноватый с плавающими внутри прожилками неуверенности.

Доктор смотрел на убегающее время и плакал.

Он внезапно увидел на столе кем-то очищенную луковицу, схватил ее и стал лихорадочно жевать. Психиатр пытался понять, почему он ест так быстро и зачем вообще ему нужна луковица, но пытливый психомозг отвлекался на полуфилософско-полусексуальный образ женщины в глубине третьего глаза.

Доктор понимал, что страдает экзотическим видом психического расстройства и старался держать себя в руках. Было трудно отличать реальное от нереального, но это не только не мешало быть психиатром, а, наоборот, помогало, поскольку он лучше понимал пациентов.

Женщина в третьем глазу была сверхактивна в намерении психически и физически овладеть доктором. Психиатр хотел с ней пообщаться,

однако его внимание отвлек сильный шум в коридоре.

Дверь открылась. В кабинет вползло нечто серовато-черноватое, тускло поникшее, с идиотской полуулыбкой на лице, которая была похожа на щель в старой прогнившей двери. Нечто село в кресло и замерло.

– Да, – произнес Зак, – как ваше имя?

– Народ – ответило нечто – зовут меня Народ. Вот, решил прийти, хотя не понимаю, зачем, поскольку все хорошо. Все замечательно, прекрасно. Абсолютно уверен. У меня все есть. А что надо? Ничего! Я же Народ. Вы меня не путайте с Интеллигенцией. Она к вам давно ходит, только без толку – ей всегда всего мало будет, психованная она – ищет, сама чего не ведает. Всем недовольна. Лечиться надо! Электрошоком – по голове и другим местам. Лекарства не помогут. Болезнь далеко зашла. Вот! Ну да ладно. Я не про это. Про что я говорил?...А... Я по-простому привык, вон, пошел, прибил, починил, постругал, посидел, обсудил, выпил, если есть что и на что, по душам поговорил, морду набил и ушел... И все у меня есть. А что еще надо?! Да ничего. Полежать чуток только, да отдохнуть маленько, а потом снова

идти, чинить, отдыхать, перетирать, морду бить и стругать.

– А все таки, зачем вы пришли? – попытался уточнить психиатр.

– Ну вот такое дело, – начал объяснять Народ, – туда-сюда кручусь, и так хочется, и этак. И вроде бы получается, если дадут возможность, но чего-то недостает. Хотя все равно хорошо. Могло бы быть, конечно, намного лучше, но все равно все очень хорошо и вот так и вот сям, ну и, в общем, жаловаться на не что. Просто хочется обсудить, обсосать и перетереть на разные темы. А так вроде и погода удалась, и живем – не тужим. Пусть не говорят, что что-то у нас не так и не сям, у нас все зашибись. И гири есть. Кому не нравится – так я могу господам объяснить, что к чему. А главное – я Барина люблю. Люблю, так люблю нашего Барина, очень люблю и жить не могу без него. Барин для меня – все. Он – судьба моя. За него глотку перегрызу. Куда скажет идти, туда и пойду. И спрашивать, зачем и почему, не буду. Барин наш умница, гений, такие один раз во Вселенной рождаются и светят, как солнце, освещая правильный путь и защищая от всех бед и гадов ползучих и летучих, которые

вон, взгляните, вокруг стоят да только и ждут, чтобы нашего Барина завалить и нас всех работать заставить. Представляете, доктор, нас работать заставить? Вот наглость!!! Вот твари!!!

– А кто Барин? – поинтересовался психиатр, пытаясь уследить за ходом мысли Народа.

– Я здесь, – услышал доктор Зак и увидел вошедшего в кабинет невысокого человека спортивного телосложения. Человек уверенно прыгнул в кресло и замер в воздухе, опираясь руками на поручни, не касаясь задом сидения. Было очевидно, что ему очень удобно находиться в этой позе.

– Я пришел, – сказал Барин – ненадолго. Я, так понимаю, у нас семейная психотерапия – давайте начнем, а то мне пса скоро кормить.

– Да, конечно, – ответил психиатр, – скажите мне...

Доктор вдруг потерял мысль. Он попытался сосредоточиться, но перед внутренним взглядом стояла обнаженная женщина и откровенно звала подойти поближе и узнать друг друга лучше.

– Я – Марита с планеты Местье, – сказала она. – Иди ко мне, доктор Зак, не бойся.

Доктор с радостью побежал бы к ней, но Барин и Народ требовали его внимания. Доктор прослезился от сексуального перевозбуждения.

– А кто это? – Барин указал мизинцем левой руки на Народ.

– Народ, – неуверенно прошептал Народ. – Это я, Барин, ваш Народ. Не узнаете меня?

– Изменился, – заключил Барин.

Он надолго задумался и добавил:

– Безусловно, явно выражена положительная тенденция, и, что самое главное, видно быстрое энергичное движение по намеченному пути в правильно выбранном направлении.

– Итак, – наконец собрался с мыслями психиатр, – Барин, скажите, пожалуйста, в чем, по-вашему...

– Вопрос понял, – не дал договорить врачу Барин, – здесь надо разбираться по сути, по существу и смотреть проблеме прямо в корень, который очевиден налицо. Безусловно, существуют определенные сложности, однако для меня совершенно понятно, что они лишь временные, быстротекущие и быстропроходящие. Просматривается положительная тенденция, возрастающая по величине и меняющаяся

направление в нужную сторону. Я оптимистичен и твердо верю в способность думающих людей взглянуть в суть проблемы, увидеть ее глубину, найти зерно и, проанализировав ситуацию, сделать правильные логические выводы в целом и в частности. Правильные выводы нужны для разработки детального плана по выходу проблемы из кризиса, который уже давным-давно закончился, и по усовершенствованию уже абсолютно совершенной модели, поднимающейся со дна. Все, надо кормить собаку. Я вернусь.

Барин выбежал из кабинета.

– Вы хотите что-то сказать? – обратился психиатр к Народу, ерзающему в кресле.

– Да, – ответил Народ, – хочу добавить, что лучше Барина нет никого на свете. И чертовы Востроносы действуют ему на нервы, отвлекая внимание. Поэтому он меня не видит и ему тяжело вспомнить, как я выгляжу.

– А кто они – поинтересовался доктор – Востроносы?

– Вот, – Народ указал тощей дрожащей рукой на странных существ с длинными горбатыми носами, сидящих на деревьях за окном. – Востроносы.

Доктор Зак и Народ долго рассматривали Востроносов, которые громко смеялись, хотя, очевидно, никакого повода для этого не было.

– Идиоты, – злобно прошипел Народ.

– Востроносы кругом, близко, рядом, обложили, – психиатр услышал голос Барина, который вбежал в кабинет с лохматой собакой. Та стала отчаянно лаять на Народ, он подтянул худенькие артритные узловатые ножки в кресло и сжался в маленький испуганный комочек.

– Она не кусается, – сказал Барин, – но может загрызть, если почувствует, что я кому-то не нравлюсь либо кто-то не согласен с моим мнением по сути, по существу, в корне.

– Такого быть не может! – вскрикнул Народ. – Вы не можете не нравиться. Вы такой... ну такой... весь из себя... я восхищен... нет слов... здорово... горжусь... Пусть все завидуют, что у меня такой Барин. Мне вообще все, абсолютно все завидуют, потому что я тоже такой, ну вот такой, весь из себя, исключительный и неповторимый, добрый, отзывчивый, душа нараспашку, таких больше нет. Я в восторге от себя самого!

– Да, – продолжил Барин, во всем виноваты импульсивные, агрессивные, нечестные, манипулятивные, опасные, воинственные,

недальновидные, не разбирающиеся в сути Востроносы. Посмотрите, – Барин указал кулаком левой руки в сторону окна. – Они не любят сидеть на своей территории, на своем дереве и нахально перелетают с места на место, пытаются везде прижиться, установить свои порядки, поставить рулить либо своих Востриков, либо тех, местных, кто согласен на них работать, вызывая неконтролируемые беспорядки, которых, в принципе, по сути, по существу вопроса, могло бы не быть.

– Проклятые Вострики, – Народ вскочил с кресла и, подбежав к окну, стал размахивать руками, стараясь вспугнуть существ, которые не обращали на него внимания, истерически смеялись и трясли кучерявыми головами.

– Да вы сядьте, – попросил Народ психиатр, – у нас разговор.

– Обидно за Барина, – злобно прошипел Народ, – он старается, из кожи лезет, ночами не спит, обо мне думает – как бы мне жить было еще лучше, а эти твари его отвлекают, устраивая везде драки на деревьях. Надо их уничтожить, вместе с деревьями, чтоб им сесть было больше негде и не на кого. Превратить их всех в пепел. Радиоактивный.

– А вы как считаете? – поинтересовался психиатр, обращаясь к Барину, который кормил пса черной икрой из трехлитровой банки.

– Я думаю, – ответил Барин, сладострастно облизывая со всех сторон ложку, которой он кормил собаку, – что это непростая, многогранная, многоплановая проблема, к которой нужно подходить с разных сторон в разное время, учитывая быстро меняющиеся обстоятельства современности. Однако, если взглянуть в суть, корень, зерно, глубину проблемы, то становится вполне ясно, что имеются определенные сложности. Я, со своей стороны, открыт к общению в различных направлениях, которое может привести к нормализации существующего тревожного фона. Хочу добавить с энтузиазмом – мне видится оптимистическая нотка, ситуация имеет тенденцию к улучшению и требует участия всех сторон для разработки детального, глубоко продуманного плана, который учел бы интересы всех сторон, а также привел бы в итоге к глобализации сотрудничества, несмотря на разницу во мнениях.

– Что вы думаете? – поинтересовался доктор Зак у Народа.

– Да, конечно, конечно! – воскликнул Народ.
– Я за это руками и всеми остальными органами и приложу свой крайне небольшой остаток сил для того, чтобы поддержать Барина в любом деле. Главное – чтобы ему Востроносы не мешали, тогда у меня жизнь будет райская. Она и так почти райская, но будет намного лучше.

– Безусловно – заметил Барин, – нет никаких сомнений в этом по сути вопроса, по существу, в целом и в мельчайших деталях и подробностях.

– Мне бы хотелось, чтобы... – доктор Зак начал говорить, но опять неловко соскочил с собственной мысли, внезапно поняв, что не понимает, что именно хочет сказать.

Народ вынул из кармана большую плеть, слез на пол и пополз в сторону Барина.

– А это что? Что происходит? – удивился психиатр.

– Мне надо, доктор, – произнес Народ, – не могу без этого. Мне хочется. Мне приятно. Меня это возбуждает в разных смыслах, дает силы думать, стремиться, пытаться сделать мою отличную жизнь еще лучше.

Народ подполз к Барину и протянул ему плеть:

– Постегайте по спинке до крови, Барин, пожалуйста – попросил Народ.

– Сам себя стегай сейчас, – бросил Барин, – я пса кормлю.

Животное уже почти съело всю икру и водило глазами по кабинету в поиске коньяка.

Народ сел поудобнее и начал сам себя стегать плеткой.

– Вам приятно? – поинтересовался психиатр.

– Конечно, – ответил за Народ Барин, – конечно, приятно. Если не стегать, то у Народа хандра начинается.

– Неужели? – поинтересовался психиатр. – Вы знаете, – обратился он к Народу, – у меня есть таблетки, которые могут вам помочь не испытывать удовольствие от порки.

– Зачем мне таблетки, доктор? – удивился Народ. – Мне нравится получать удовольствие.

– Но ведь можно его достичь по-другому, – попытался возразить психиатр, – есть много видов деятельности, которые могут дать положительные эмоции.

– Не мешайте Народу, доктор, – попросил Барин, – раз ему нравится, то пусть и продолжает. Главное – любить свое дело и тогда жизнь

будет по сути, в корне, по существу, полноценной на всех уровнях.

– Но это ненормально, – возразил психиатр.

Собака закончила есть и стала отчаянно лаять на доктора Зака.

– А что она разлаялась? – не понял он.

– Зачем лаешь? – спросил Барин собаку.

Пес замолчал, заскулил и стал бегать по кабинету в поисках коньяка.

Народ закончил себя стегать и теперь лежал на полу с блаженной улыбкой.

Барин с ненавистью глядел на Востроносов.

– Если б не их агрессивность, – произнес Барин, – то все было бы по-другому – ближе к пониманию сути и принятию решения, которое бы обеспечило глобализацию позитивной позиции и адекватного подхода для того, чтобы свести к минимуму потерю времени на обсуждение вопросов, которые не имеют отношения к сути.

Сказав это, он вынул из кармана пистолет, подбежал к окну, распахнул его уверенным движением кулака и выставил оружие наружу.

Востроносики увидели Барина с пистолетом и начали панически кричать, а потом снялись всей стаей и улетели в небо.

– Ура Барину!!! – закричал Народ. – Ура Барину!

– Мне не нравится так поступать, – спокойно произнес Барин, осторожно, медленно закрывая окно, – но периодически это делать необходимо, поскольку мирная жизнь рядом с существами возможно только в том случае, если между сторонами есть понимание проблемы по сути и когда ясно, что для кардинального решения назревшего вопроса возможны различные варианты, включая даже тот, который, по сути, не решит проблему, однако приведет к временному улучшению, которое даст возможность глубже и всесторонне разобраться по существу.

– Ура Барину! – закричал Народ.

У доктора разболелась голова.

Барин сел в кресло и, расслабившись, улыбнулся.

– Мы в целом обсудили теоретическую возможность решения проблемы... – сказал Барин.

– Какой проблемы? – не понял психиатр.

– Безусловно, – кивнул головой Народ, – мы обсудили, и я полностью согласен с Бариним.

Доктор задумался.

Барин и Народ смотрели на психиатра, ожидая, что тот скажет.

– В общем, – наконец произнес доктор Зак, – я вижу нездоровую динамику. Мне кажется, что между вами двоими существует непонимание, боязнь и вражда.

Нет, доктор, – прервал психиатра Барин, – вы не правы в корне, по сути, хотя, может быть, и догадываетесь по существу. У нас, у каждого свои проблемы. Нам нужно их решить, а потом, по всей видимости, мы, наверное, с невысокой вероятностью, сможем немного попытаться пообщаться, если, конечно, обстоятельства будут благоприятствовать, в чем я очень и очень сомневаюсь, хотя вижу положительную тенденцию.

– Ваши проблемы, Барин, это наши проблемы!!! – воскликнул Народ и почему-то проследил.

– Не совсем так, – спокойно возразил Барин. – И да, и нет. По сути вы правы, но, по существу – нет. Имеется различие, которое необходимо учитывать в плане разработки программы действий, направленных на улучшение в частности, но не в целом. Есть определенная позитивная тенденция, связанная

с приподниманием ситуации со дна и переносом ее на рабочий стол, где она может быть детально изучена со всех сторон, со всех углов, очищенная от ила и прочей грязи.

– А что вас волнует? – обратился психиатр к Барину.

– Вот... – тот немного помолчал, а потом начал говорить. – Вот вроде как оно все так... равномерно, периодически и спокойно, по плану, как и было задумано, однако иногда такое впечатление, что события происходят как-то неожиданно и внезапно и именно там, где их не ожидаешь, и это начинает тревожить.

Барин замолчал, утонув в размышления, одновременно очень быстро и энергично отжимаясь от пола на указательных пальцах обеих рук.

Доктор Зак погрузился в обдумывание сказанного и через пять минут был разбужен отчаянным храпом Народа.

– Я так понимаю, – подытожил психиатр, обращаясь к Барину, что вас что-то реально тревожит, но вы не совсем понимаете, что именно.

– По сути, так, – ответил Барин, – вы затронули проблему по существу, но не совсем

коснулись ее в принципе. У меня есть определенные сложности в осознании того, что происходит, однако наметился значительный прогресс в продвижении по пути понимания существа вопроса. Я, в целом, оптимистично смотрю на то, что проблема может быть решена уже в ближайшем будущем с помощью привлечения науки. И здесь необходимо сделать важное уточнение – психиатрической науки, ее последних достижений в плане диагностики и лечения различных пограничных и заграничных состояний и их отвлечений.

Доктор Зак минут десять размышлял над словами Барина, пытаясь проникнуть в их глубокий смысл и выявить их глубинную мудрость.

Народ храпел.

Барин гладил собаку, которая со злобой смотрела на психиатра. Животное было уверено, что жадный, кучерявый психиатр, своим длинным носом похожий на Востроноса, где-то прячет коньяк. Пес съел много соленой черной икры и безумно хотел пить.

– Есть несколько вариантов лечения данной проблемы, – начал психиатр.

– Доктор, – перебил Барин, – говорите по существу – название, доза, частота

и длина приема. В жизни нужна конкретика. Естественно, философия тоже необходима для всестороннего понимания сути, однако практика на некоторых этапах в определенное время выходит на первое место по важности и по существу.

Доктор Зак выписал рецепт и протянул его Барину.

– Вот, возьмите. Там написано, как, что и когда, – психиатр пытался быть конкретным.

– Спасибо, – Барин взял рецепт и встал.

– Извините. – произнес доктор – а как насчет вот этого пациента? – он указал огрызком яблока на храпящий Народ.

– Дайте этому... ну как его... какую-нибудь сильнодействующую таблетку, – попросил Барин, – а то нечаянно зашибет себя до смерти, а мне потом что делать?

– Вам? – поинтересовался доктор Зак.

Но Барин уже скрылся вместе с собакой.

Психиатр долго смотрел на спящий Народ, затем попытался приподняться, чтобы его разбудить и послать домой с рецептом, однако свалился обратно на стул. Он слишком устал, анализируя проблемы.

Доктор Зак проваливался в очередную грань своего третьего глаза, совершенно не понимая, какое средство может помочь Народу в понимании того, как не завалить самого себя в попытке осчастливиться еще больше.

– Доктор, доктор, – он услышал голос издалека и, ругая судьбу, вернулся в психиатрическую реальность, с огромным трудом расставшись в самый пикантный момент с горячо его любящей Маритой.

– Доктор, – говорил проснувшийся Народ, – может, посоветуете, что делать. Вроде все хорошо, а вроде приложиться и прислониться хочется чаще и чаще.

– Понимаете, – стал растолковывать психиатр, – есть такая очень специфическая патология, ну как бы вам объяснить... если кого-то очень долго насиловать, издеваться, постоянно надругаться, жестоко избивать, всячески наказывать, то мозг такого, так сказать, субъекта, больного пациента, постепенно внутренне перестраивается и начинает функционировать в совершенно другом режиме. Никто не знает в деталях, как конкретно это происходит... я имею в виду, что современная наука, представленная психиатрией,

совершенно не может объяснить механизм перестройки мозговой ткани. А суть происходящего заключается в том, что субъект начинает получать реальное физическое и психологическое наслаждение от боли. Возьмем, ваш, например, случай. Над вами веками издевались и продолжают издеваться разные правители, цари, монархи, назначенные или самопровозглашенные. Вас веками били, пытали, жгли, расстреливали, резали на части и так далее, и со временем у вас перестроился мозг таким образом, что сейчас вы от боли получаете реальный кайф. В целом, любая ситуация, которая является болезненной для нормального субъекта, у вас же обычно вызывает наслаждение. Поэтому вы и просили Барина сегодня вас выпороть. Именно поэтому. Вы не способны получать положительные эмоции от нормальных вещей, вам обязательно нужно, чтобы обстоятельства, в которых вы находитесь, были бы ненормальными, травмирующими, болезненными. По существу, вам нравится, когда вы голодны, холодны, когда вам не во что одеться и не на что купить кусок хлеба. И Барин для вас – это грандиозная радость, потому что именно при нем или

при таких же, как он, вы получаете все необходимое, чтобы испытывать наслаждение от того, что вы называете жизнью.

Доктор замолчал.

Народ тоже безмолвствовал. Он был совсем не виден в кресле, где сидел, укрыв свое голое хиленькое тело рваным, давно не чистенным пальтишком. Вечер медленно вползал через окно в офис доктора, который предпочитал темноту, так как она ему помогала собирать в одну маленькую кучку разбегающиеся во все стороны абстрактные мысли о смысле жизни.

– Так, – наконец, задумчиво произнес Народ, – так... ну и дела... ну и врубон... ну ни хрена... и че дальше...

– Кушать хотите?

– Конечно! – вскрикнул Народ. – Уж так давно ничего во рту не было! Какой век!

Доктор Зак достал из стола рыбные консервы, припасенные на тот случай, если придется ночевать в офисе, что ему часто приходилось делать из-за лени возвращаться домой.

Народ подскочил к психиатру, вырвал у него из рук жестяную банку и одним махом ее проглотил, не вскрывая.

– Это же металл, – тревожно выдохнул психиатр.

– Еще! – глаза у Народа горели оранжевым светом.

Вслед за консервами в его горло полетели авторучки, несколько тетрадок, небольшая настольная лампа, множество разных банок склянок с вареньем, солеными огурцами и помидорами и даже тапочки доктора, завернутые в прошлогоднюю газетку.

Доктор Зак смотрел на чавкающий Народ и думал о предстоящем курсе терапии. Случай был хронический, запущенный и в целом мало-перспективный в плане прогноза.

– Надо бы вам приодеться – сказал психиатр, только что заметив, что Народ абсолютно голый.

– Зачем? – удивился тот, выплевывая жуть и стекло на стол доктора.

– Ну надо, – объяснил Зак, – не спорьте.

Он достал из стола брюки и рубашку.

Вскоре Народ, сытый, одетый и расслабленный, сидел в кресле, размышляя над словами доктора Зака по поводу своей ненормальной головы.

– Есть лекарство, – продолжил психиатр, – которое вам заблокирует часть мозга,

ответственную за получение наслаждения от боли. У меня даже есть несколько пачек здесь.

Он протянул Народу таблетку и стакан воды:

– Вот, примите прямо сейчас и через полчаса почувствуете разницу.

Тот выхватил из рук психиатра всю пачку и проглотил вместе с оберткой и стаканом.

Дверь открылась, и в кабинет влетел Барин.

– Доктор, – он был не на шутку взволнован, – у меня от ваших таблеток послабление стула, все туалеты обежал, пока к вам добрался. Дайте что-нибудь другое – по существу, чтобы вызвал запор, по крайней мере, на время.

– А этот... ну как его... чего еще здесь? – Барин указал ботинком левой ноги на Народ. – Почему не свалил еще? А чего это он так прикинут? Это вы его, доктор, приделали? И выглядит сытым. Это, в принципе, по сути, что, в сущности, может означать? Мы разве проговаривали с вами такие частности, обсуждая проблему в целом?

– Ты, Барин, не шуми, – спокойно произнес Народ. – Не шебурши. Я теперь здесь с вылеченным мозгом и могу воспринять реальность

в нужной плоскости и даже получить удовольствие от нормальной ситуации.

– Это он о чем, доктор? – спросил Барин психиатра.

– Ну это, в общем... – попытался объяснить Зак.

– Мне этот... ну как его... – пытался вспомнить Барин, – сейчас совсем не нравится, доктор... – он косо смотрел на Народ, в удобной позе развалившийся в кресле.

– И вообще, – добавил Барин после некоторого молчания, – хочется оградить себя и создать ситуацию без неожиданностей и всякого прочего непродуманного и импульсивного... Безусловно, существует возможность ухудшения, но тем не менее налицо положительная тенденция, хотя не так сильно выраженная, как раньше, и, доктор Зак, нужна ваша профессиональная помощь, чтобы разрядить довольно сложную ситуацию, так нагло созданную существами на деревьях.

– Туманно говоришь, Барин, – уверенно сказал Народ. – Ты Востроносков не трогай, а конкретно мне скажи, почему я столько веков голодный и с голой жопой жил, да еще и доволен был, а? Вот я тебя сейчас за яички на плетке подвешу!

– Доктор, – Барин испуганно посмотрел на психиатра, – возникла ситуация, требующая вашего незамедлительного вмешательства. Я, со своей стороны, могу оказать всеобъемлющую помощь в воплощении в жизнь любого вашего решения, даже самого неожиданного.

Но было поздно. Разъяренный Народ прыгнул к Барину, скинул с него брюки, накинул на гениталии плеть, распахнул окно и спихнул его вниз с подоконника.

Барин висел, подвешенный за яички, и говорил немного взволнованным голосом.

– Доктор Зак, – обратился он к психиатру, – Ситуация зашла в тупик, хотя я вижу некоторую положительную тенденцию. Я оптимистично смотрю на сложную ситуацию и уверен, что мы справимся с проклятым Народом своими силами и нам с Вами, доктор, не понадобится помощь различных структур.

На деревьях сидели громадного размера Востроносы, с интересом рассматривая Барина. Они облизывались, продолжали смеяться и в целом пребывали в прекрасном настроении.

Тот вытащил пистолет, начал в них стрелять, но не мог сосредоточиться и хорошо прицелиться, поскольку висел головой вниз и испытывал

неприятные болезненные ощущения в районе таза.

Зак попытался, как обычно, глубоко и тщательно проанализировать ситуацию для того, чтобы найти правильный диагноз и назначить надлежащий курс лечения, но не мог собраться с мыслями, потому как Народ громко кричал и, ликуя, скакал вокруг, сытый, одетый и довольный.

Ситуация затягивалась. Наступила ночь, а доктор все еще не знал, что предпринять. Психиатр решил дожидаться утра. Он иногда давал возможность Времени вылечить пациентов, и сам не вмешивался. Да и оставалось совсем недолго. Каких-то пять – шесть часов. Доктор опустил голову на стол и тут же почувствовал нежное прикосновение Мариты. Через мгновение он уже забыл о висящем Барине и у охрипшем от своего ликующего крика Народе, достающем из его, доктора, письменного стола бутылку коньяка, припасенного психиатром на случай празднования полной и окончательной психиатрической победы.

Барин понимал, что создавшуюся ситуацию нужно менять по существу, по сути, в корне, в зародыше. Менять глобально, на всех уровнях,

на всех плоскостях. Однако детально разработанного плана еще не существовало. Барин был оптимистом и абсолютно ясно видел наметившуюся позитивную тенденцию, практически готовую, по сути, быть реализованной в конкретной ситуации. Он спрятал револьвер в карман и сделал вид, что готов к переговорам с Востроносами по наболевшим вопросам, в частности, по вопросу о своих, по сути, слишком туго перетянутых гениталиях и не очень удобном положении головы, видящей наболевшую суть, ядро, тенденцию, направление, корень и зерно в частности и глобально, в целом, на всех уровнях и планах бытия. Барину где-то в глубине души хотелось верить, что все происходящее было сном, но он был махровым реалистом. Его всегда спасала от отчаяния врожденная способность видеть исключительно позитивные тенденции – везде и всегда. Позитивные тенденции были ни чем иным, как галлюцинациями, однако Барин про это не знал, и это давало ему возможность сохранять бодрость духа.

Доктор Зак глубоко спал, успокоенный в нежных объятиях Мариты. Она поставила себе целью забрать психиатра на свою планету, но не догадывалась, что доктор, в принципе, не мог

существовать лишь в одном месте. Его сущность была разбросана по временам, пространствам, измерениям, мирам, и поэтому он никогда не мог принять никакого решения, поскольку видел и знал слишком много. Решение принималось потусторонними силами за него. Зак лишь наблюдал, как в его жизни все случается вроде как само по себе, хотя на самом деле догадывался, что кто-то где-то как-то вмешивается.

Народ долго бегал по улице, кричал, ликовал, затем влез на дерево и, сильно утомившись, уснул, даже не заметив, как положил свою многоугольную, всю в дырочках и больших вмятинах настрадавшуюся голову на мускулистое плечо ненавистного, всегда глупо смеющегося полного и окончательного дебила, черноволосого кучерявого горбоносого идиота Востроноса.

Малиновое солнце начало разрывать горизонт.

Инопланетная женщина Марита не хотела отпускать психиатра, а он и не торопился к пациентам.

Востронос проснулся и обнял крылом Народ, который кричал и вздрагивал во сне, мучимый многовековыми кошмарами.

Барин продолжал надеяться на позитивный исход по сути вопроса и в корне, а также в центре зерна и по существу. Он умудрился подтянуть себя на плетке на уровень окна и уже почти ввалился обратно в кабинет психиатра, где его пес лизал коньяк, который Народ, прыгая в восторге, пролил на пол.

Во всем прослеживалась определенная тенденция. Она была либо положительной, либо отрицательной, в зависимости от того, кто, когда, где и под каким углом на нее смотрел, да еще и какие таблетки доктора Зака принимал. Последние были особенно важны в свете последних достижений науки в области изучения человеческого мозга. И здесь мир, для сохранения своего спокойствия, не мог обойтись без бесценного опыта доктора.

Зак устал от психиатрии с ее таблетками, уколами и разговорами и с помощью Мариты наконец, поймал мгновение, полностью в нем растворился и обрел достаточное количество мудрости для того, чтобы перестать думать, анализировать и просто начать получать удовольствие от жизни.

Народ едва едва начал получать удовольствие от отсутствия плетки, однако периодически

ее искал, находил, себя ей стегал, а потом сам же от себя ее прятал. Процесс выздоровления начался, но обещал быть очень-очень долгим и болезненным.

Барин регулярно посещал уролога по поводу остаточных болезненных ощущений в области яичек. Ему очень сочувствовала его собака, и в целом в процессе лечения стала наблюдаться позитивная тенденция.

Востороносы, по-прежнему вполне довольные жизнью, перелетали с дерева на дерево и смеялись, в особенности тогда, когда не слышали рядом выстрелов. Они даже и не подозревали, что кто-то за что-то их сильно недолюбливает.

ГЛАВА 2

Барин собрал слуг и решил провести совещание.

– Сегодня я собрал вас всех здесь, – сказал он, – чтобы детально обсудить наболевшую тему и выработать план по предотвращению всего того, что может помешать планомерному поступательному движению вперед по пути, который мы наметили в результате длительного

исследования причин и следствий, а также направлений и различного рода взаимодействий.

Барин прокашлялся и продолжил:

– Поэтому хочу обозначить проблему. Совершенно ясно даже для неполовозрелого ребенка, что недавнее поведение Востроносов было недопустимо агрессивным в плане нарушения ряда соглашений, к которым мы пришли много лет назад. В свете вышесказанного, однако, должен заметить, что я был не совсем прав в своих логических выводах в отношении происходивших неприятных событий. В реальности, после детального, тщательно, всестороннего, многоступенчатого, глубочайшего анализа стало более чем очевидно, что основной проблемой, насущной, требующей незамедлительного решения, являются не Востроносы, как мы всегда были глубоко убеждены, хотя они тоже являются одной из главных проблем, а более значимое по силе и наглости, намного более агрессивное существо – Народ, вроде бы, по определению, наш Народ.

В кабинете воцарилось длительное молчание, иногда прерываемое отдельными чихами и кашлем тут и там.

– Безусловно, – заметил кто-то, – я давно подозревал, что именно Народ, а не кто иной, является гвоздем, ржавым сломанным гвоздем, наколовшись на который можно получить заражение голубой крови.

– Да, конечно, несомненно, тут и вопросов нет... – посыпались комментарии отовсюду, – надо принять меры. Обнаглел. Да что он себе, наглая тварь, позволяет. Найти, наказать, надолго посадить и ограничить. Разделить и добить, но сначала хорошо подоить, многократно подоить!!!

– Я предлагаю, – продолжил Барин, – создать механизм, структуру, условия для разработки важнейшей составной. Необходимо тщательно продумать систему защиты от агрессивных выпадов Народа, направленных на террор и дестабилизацию стабильной ситуации, стабильной жизни и всех слаженно действующих в ней важнейших структур. Конкретно: я предлагаю создать еще одну структуру, четко направленную на сдерживание агрессивных выпадов наглого, обезумевшего Народа.

– Таким образом, – Барин закашлялся, глотнул коньяка из графина и продолжил, – я приказываю всем ведомствам и органам, включая

самый главный орган головного и полуголовного значения, немедленно приступить к разработке плана... У кого какие предложения?

– Можно из большой своры борзых сделать спецотделение бульдогов, – предложил один из слуг. – Обучить их мертвой хватке и дать разрешение кусать, рвать и метать без предупреждения и лишних разговоров.

– Хорошая идея, – заметил Барин, – немедленно приступайте к созданию и периодически мне докладывайте о том, как проходит процесс тщательной селекции и обучения.

– Я также считаю, – раздался голос другого слуги. – что необходимо принятие закона, который нам обеспечит получение информации о любых злонамерениях Народа. Это необходимо для предотвращения всякого рода беспорядков на чистых улицах нашего светлого города. Нельзя допустить их загрязнения неумытым, плохо пахнущим Народом.

– Конкретно, пожалуйста, что предлагаете? – нетерпеливо поинтересовался Барин.

– Я предлагаю поощрять всяческим образом домашних животных, так сказать, собак и кошек любого рода и прочих мелких и крупных тварей доносить на Народ в устном или письменном

виде, если последний будет замечен в чем-то потенциально опасном.

– Хорошо, – согласился Барин. – пожалуйста, проследите, чтобы для разработки вашей отличной идеи было выдано достаточно средств. Здесь необходимо не жалеть ресурсов для покупки необходимого количества различного рода сладостей, важных как вознаграждение за позитивное поведение и создание нужного нам условного рефлекса, который, безусловно, поможет в поимке, обнаружении, наказании и ликвидации потенциальной проблемы в будущем.

– Я предлагаю срезать все надбавки, прибавки, контрибуции разного рода для Народа, а лучше вообще лишить его средств, и пусть сам решает свои грязные проблемы.

– Согласен, – кивнул головой Барин, – займитесь разработкой детального плана по внедрению его в жизнь.

– Можно Народ бульдозерами... – предложил кто-то, – замариновать в его же хамской красной крови.

– Нельзя сразу, – возразил Барин, – можно по сути вопроса, но нельзя существу, хотя ваше предложение актуально и может быть рассмотрено.

– А почему нельзя?! – раздались возмущенные голоса.

– Народ нужен для борьбы с Востроносами... А что если Тупокрылые и Остромордые начнут с Востриками дружить и они все объединятся в одну, так сказать, сверхагрессивную единицу, для того чтобы создать потенциальную угрозу рядом, совсем рядом с моим поместьем? Что тогда? А тогда нам будет нужен Народ. Нам нужна жестокость и тупость Народа, готового на все ради бутылки хмеля. А хмель мы обеспечим – дешевый, за грош, хорошего качества, будем продолжать перерабатывать навоз, единственный продукт, дефицита которого пока еще, к счастью, не наблюдается благодаря прекрасной погоде, зеленой траве и пока еще дышащим и ползающим по ней...

Барин подыскивал слово... Все терпеливо ждали...

– Навозосоздателем? – наконец подсказал кто-то.

– Да, – согласился Барин, – именно им.

– Итак, – продолжил он, – какие будут еще предложения?

– У меня такое впечатление, – тихо сказал кто-то, – что нам угрожает Нечто очень

значительное, какая-то роковая неизбежность, у меня плохое ощущение, и уже очень давно. Мне кажется, что необходимо также разработать пути и способ отхода, если таковой понадобится. Народ сейчас злобный и непредсказуемый в своих дьявольских выпадах, для этого у меня есть предложение.

– Да, внимательно слушаю, – Барин склонил голову набок и замер.

– Есть группа пластических хирургов, которые обеспечат нас всем необходимым.

– Прекрасная идея, – согласился Барин, – приведите их ко мне, чтобы всесторонне изучить детали, в этом деле совершенно необходимые.

– Итак, – продолжил он, – бросим против агрессивного Народа все имеющиеся в нашем распоряжении ресурсы, структуры, возможности, средства. Побольше навоза, поменьше надбавок и прибавок, создать армию бульдогов с сильной мертвой хваткой и найти высококвалифицированных пластических хирургов, чтоб изменили нас всех до полнейшей неузнаваемости.

– Поняли, Барин, – раздалось отвсюду. – Слушаемся, и будет незамедлительно сделано.

– Главное. – подытожил Барин. – даю всем разрешение действовать по обстоятельствам в борьбе и применять любые средства для того, чтобы остановить и обезвредить обезумевшего, тупого, наглого, всегда пьяного, ленивого, полностью морально разложившегося, плохо пахнущего подонка, именуемого Народ.

Барин немного помолчал, сощурил глаза, как бы пытаясь что-то вспомнить.

– Да, конечно, – наконец, сказал он, – всем, как обычно, в порядке узаконенной очереди на этой неделе на профилактический осмотр к психиатру. В обязательном порядке. Это мой приказ. За непослушание – мгновенное лишение всех золотых привилегий за ничегонеделание, поскольку только доктор Зак и его талант позволяют нашему коллективу действовать так успешно, слаженно, достигая грандиозного финансового благополучия.

– Конечно, конечно, – раздались голоса ото всюду, – безусловно, совершенно необходимо и жизненно важно.

Барин подождал, пока все выйдут из кабинета, затем расслабился, положил усталые от тренажеров ноги на стол, откинул голову на спинку

кресла и провалился в плоскость собственного третьего глаза.

Он шел по родному Санкт-Петербургу. Ночь. Город выглядел незнакомым. Странные очертания домов, дикий холод, грязный снег по колено. Кучи мусора, горят костры, выстрелы, крики, вопли о помощи, гудки автомобилей, большая груда трупов, сваленных в кучу возле дороги. Дул промозглый ветер, навстречу шла группа людей, одетых в солдатские шинели, под которыми видны тельняшки. Они громко пели и, судя по телодвижениям, были в стельку пьяны. Время от времени они стреляли из ружей и наганов в небо, но чаще в окна домов или в мимо проходящих или пробегающих людей и животных. Барин хотел убежать и спрятаться в один из темных, пахнущих Народными испражнениями парадных, но стреляющие в мгновение ока оказались рядом.

– Кто такой, документы! – грозно попросил высокий в очках и ружьем наперевес.

Барин сделал вид, что ищет документы, и начал хлопать себя по пустым карманам пиджака.

– Так, документов нет, – заметил кто-то из толпы.

– Как звать? – поинтересовался высокий.

– Барин, – ответил Барин дрожащим от страха голосом.

– Барин, и без документов! – закричали вокруг, – к стенке его!

Барин увидел, как в него нацелились из множества наганов и винтовок.

– Э... Погодите-ка, – вдруг сказал неопрятно выглядещий, жутко пахнувший мужичок. Все его лицо было покрыто волосами. Мужик сгорбатился, оскалился и пристально посмотрел на Барина.

– Так это ж мой праправнучек! – закричал мужичок. – Ну конечно же, а похож то как! Вылитый я в далеком будущем.

– Уверен? – спросил кто-то из толпы.

– Последний клык даю! – прохрипел он. – Конечно же. Ну что, не узнаешь дедулю, родственничка своего, душеньку родную, неужто нет?

Барин пристально вглядывался в лицо человека, называющего себя его прапрадедом, и вдруг четко осознал, что тот прав. Ну конечно же, это был он. Его родственничек по отцовской и материнской линиям одновременно.

– Дедушка! – воскликнул Барин. – Здравствуй, ну, наконец, встретились.

– Ну! – дедушка обнял Барина, и они оба искренне прослезились от нахлынувших родственных чувств.

– Вспомнил, как меня зовут? – усмехнулся дед.

– Ну конечно же, – уверенно сказал Барин, – вы Шариковский.

– Ну наконец-то!

Они снова крепко обнялись.

Стоящие вокруг были очень рады их встрече и в восторге продолжили стрелять по окнам, в особенности тем, в которых был виден свет и мелькали фигуры людей.

– погоди, – сказал дедуля. – а каким же таким образом ты Барином стал? Я человек простой, так сказать, из Народа.

– Не может быть, чтоб ты из Народа. – усомнился Барин, дую на замерзшие руки. – ты из самой что ни на есть культурной интеллигенции, дед. У тебя, наверное, память проседает немного, стар ты уже стал.

– Нет, дед прав. – вдруг все услышали мужской голос и увидели человека среднего роста в пальто, шляпе, пенсне, держащего курительную трубку во рту.

– А, Писатель, – подобострастно пролепетал дед, – мы все рады вас видеть.

Все собравшиеся поклонились ему до пояса. Барин тоже попытался – в первый раз в жизни, он привык, что поклоняются лишь ему. Восемнадцать лет все вокруг не только ему низко кланялись, но и просто били прямоугольными низкопосаженными сильно вогнутыми лбами об пол перед его натруженными на тренажерах ножками.

– Из рода ты Шариковских, – Писатель обратился к Барину. – У вас никогда никого из интеллигенции в роду не было. Никто толком-то ни читать, ни писать не умел. Ты, конечно, себя Бариним назвал. и вроде как им тебя и считают, но, однако, ты как был жлоб, да так им навсегда и останешься, как бы ни старался. Генетика – наука точная.

– Да, конечно, жлоб и хнырь Хреновский, – вдруг все услышали писклявый голос и увидели громадного размера черную Пантеру, одетую в шинель, с зонтиком в одной лапе и игральными картами в другой.

– Это что за животное? – возмутился Барин. – По какому праву оно меня унижает?

– Я тебе сейчас за животное орган оторву, – прошипела Пантера и, прыгнув к Барину, вцепилась когтями в его штаны.

– А-а-а! – проснулся Барин от собственного крика и обнаружил, что лежит на полу кабинета, укрытый черным ночным покрывалом.

Барин вытер со лба холодный пот, встал и походил туда-сюда, пытаясь собраться с мыслями. Но они не собирались, как бы еще застряв там, в холодной зимней санкт-петербургской ночи, возле непотушенного костра, в котором догорала последняя надежда последнего интеллигента хотя бы на получеловеческую жизнь. Барин включил свет и вздрогнул, увидев сидящий на стуле Народ.

– Как ты сюда пробрался? – вскрикнул Барин, дрожа от страха и негодования.

– Наступил час расплаты! – закричал тот, и Барин увидел у него в руке саблю. Народ вскочил со стула и, размахнувшись саблей, полоснул ею Барина по голове.

– Не-е-ет! – Барин дернулся всем телом и как бы со стороны увидел: половина его тела ударилась о стенку, отскочила от нее и побежала в сторону окна.

– Что с вами, Барин? – он открыл глаза и увидел себя лежащим на полу. Один из слуг сидел на корточках рядом с ним и тряс своей чрезвычайно маленькой призмобразной

обеспокоенной головой, роняя оранжевую слюну Барину на лицо.

– Что, что такое происходит? – прохрипел Барин.

– Да я возле вашего кабинета проходил, услышал крик и прибежал. Смотрю: вы на полу лежите, кричите...

Барин с трудом встал на ноги, отпустил слугу и, взяв телефон, набрал номер.

– Доктор Зак, – прохрипел он, – нужно срочно вас увидеть, у меня большие проблемы, ну это... с психикой, мне кажется...

– Хорошо, завтра в десять утра.

Барин отпустил слугу, походил по кабинету еще минут десять, проверил несколько раз, закрыта ли дверь, окна, залез под стол, поставил стул рядом со шкафом, влез на него и убедился, что на нем никого и ничего нет, кроме многовековой пыли.

– Зря ищешь, – вдруг он услышал за спиной низкий мужской голос. Барин резко обернулся и, не удержавшись на стуле, свалился прямо под ноги говорящему.

– Нельзя так прыгать в твоём возрасте, Барин, – тот открыл глаза и замер от ужаса. Прямо перед ним стоял товарищ Вождь.

Последний широко раздвинул ноги, внимательно его разглядывал и курил трубку.

Барин хотел вскочить и поприветствовать ожившего Вождя всех народов, однако тот его посадил обратно легким движением тяжелой руки.

– Сиди, дорогой товарищ Барин, – успокоил его Вождь – сиди. Не дергайся. Нет смысла дергаться по пустякам. Зря энергию теряешь. Если есть смысл дернуться, то дернись один раз, но основательно и принципиально, чтобы окружающие тебя вокруг враги ощутили себя маленькими и беспомощными.

Вождь замолчал и где-то полчаса раскуривал трубку, прогуливаясь взад-вперед по кабинету, погруженный в глубокие размышления о судьбах всех народов вообще и Барина в частности.

– Я вот что думаю, – наконец начал говорить Вождь, – я за тобой уже очень долго наблюдаю и в целом ты мне нравишься. Однако я не совсем удовлетворен тем, как ты ведешь себя, будучи главой поместья. Ты слишком мягок, слишком увлечен ненужными и бесполезными для государства вещами, такими, как, например, спорт, охота на тигров, заигрывание с молодыми женщинами, а также собственным обогащением.

Если хочешь добиться успеха в своем поместье, то надо кардинально менять тактику, а именно – больше расстреливать. Сажать и расстреливать. Расстреливать и сажать. Везде, всегда и всех!!! У тебя суды долгие – укоротить расследование до одной минуты и приговор исполнять на месте. Ты, в принципе, начинаешь думать в правильном направлении – кругом тебя окружают исключительно враги, и только враги. На работе, в туалете, в постели, везде, даже внутри любимой женщины. Если хочешь выжить, должен не варить кисель из собственных соплей, не рассуждать долго, пространно и непонятно даже для себя самого, а уничтожать их мгновенно, беспощадно, без сожаления. Я тут слышал, ты собираешься бульдогов разводить, чтоб Народ мертвой хваткой... Мне смешно. Мальчишество. Ночью его забрать и высадить голого в Арктике на льдину! В друзьях нужно оставить лишь бульдогов и прочую живность, поскольку животные намного лучше, преданнее и добрее, чем Народ, – Вождь прищурился и долго пристально рассматривал лицо Барина с громадным синяком на лбу. – И все-таки я вижу, что ты сомневаешься в том, что я тебе говорю...

– Понимаете, товарищ... – попытался объяснить Барин, – я бы с удовольствием... Народ, да на льдину... Но сейчас 21-й век...

– Ах, Барин, не слушаешься и не уважаешь ты начальство в частности и пожилых людей конкретно... – сказав это, Вождь долго стучал трубкой по голове Барина, вытряхивая пепел, а затем, не спеша, покинул кабинет и растворился в коридорной темноте.

– Барин, Барин, – он открыл глаза и увидел себя лежащим на рабочем столе, окруженным обеспокоенной сворой слуг. Рядом стоял человек в белом халате с трубочками в ушах и внимательно слушал его сердце. Барин взглянул на часы и увидел, что у него оставалось несколько минут до встречи с психиатром.

– Самолет! – закричал он слугам.

– Доктор Зак, – Барин задыхался от волнения, – доктор, мне нужна помощь.

– Ну, вы успокойтесь – предложил Зак, – сядьте, расслабьтесь, и начнем беседу...

Доктор внимательно разглядывал суетящегося в кресле Барина, пытаясь сосредоточиться на невидимой, отправной точке во Вселенной, так необходимой для глубокого психоанализа. Точка не нащупывалась, и доктор начал

немного суетиться, пытаюсь сесть на стуле удобнее. Но что-то внизу мешало. Доктор сунул туда руку, нащупал огрызок яблока, и в это мгновение четко сосредоточился на невидимой точке, впад в полутранс, необходимый для постановки точного диагноза.

– Итак, Барин, – начал психиатр, – мне необходимо, чтобы вы подробно рассказали о своих детских страхах...

Барин долго молчал, как бы решая, можно ли доверять доктору, но потом расслабился и внезапно начал сначала тихо плакать, а затем громко и отчаянно рыдать.

– Успокойтесь, пожалуйста, – доктор встал, пререгнулся через стол, пытаюсь протянуть Барину салфетку, чтобы тот утер слезки, но подскользнулся на огрызке яблока, упавшем на пол, и свалился на стол, больно ударившись носом о кактус. Барин всего этого не заметил, полностью сосредоточенный на своем истерическом плаче и чувстве жалости к самому себе. Доктор свалился обратно в кресло, закинул голову назад и заткнул ноздрю салфеткой, пытаюсь остановить кровотечение. Так они сидели минут двадцать. У психиатра хлынула кровь, а Барин бился в истерике. Наконец все стихло.

Психиатр опустил голову. Барин начал говорить, время от времени всхлипывая:

– Понимаете, доктор, как это вам сказать... Я очень боюсь мышей. Точнее, одну такую большую Мышь, один только раз ее видел, был совсем маленький. Она вышла из кладовки, подошла ко мне. Долго улыбалась, а потом сказала, что я очень вкусный и она меня сейчас съест. Я закричал, прибежала мама, и Мышь исчезла. И у меня теперь страх, что она, эта Мышь, везде, всюду, где-то рядом, наблюдает за мной и вот вот набросится. Когда я стал немного постарше, то пошел заниматься борьбой, чтобы стать крепче, сильнее, более уверенным в себе. Стало немного легче, но страх все равно не прошел. Я страшно боюсь, что однажды она вернется, большая и серая, и меня съест. Я всегда сплю с зажженным светом, у меня под подушкой пистолет, к кладовке приставлено тяжелое кресло, которое если начнет двигаться, то я услышу и проснусь. А позже у меня появился страх, что Мышь уже не одна, и есть реальные люди, которые ею завербованы. Их много, поверьте мне, очень много. Я решил сделать все, чтобы помешать этим проклятым тварям следить за мной и методично отравлять

мою жизнь всякими неожиданными пакостями. Сделал это своей работой. С утра до вечера долгие годы я пытался отловить всех этих сволочей, их пересажать и перестрелять. С этими тварями – Мышью и ее агентами – нужно бороться сообща, всеми доступными средствами, которые находятся на вооружении в моем поместье. Я увидел также, что Мышь удачно завербовала проклятых Востроносов, которые по плану являются главной причиной моих бед. Но главное – эта грязная прожорливая серая отвратительная мерзко пахнувшая тупая похотливая агрессивная Мышь сделала Народ своим агентом!!! Она даже не подозревает, что мне про это известно. Доктор, у меня много, много денег, я вас озолочу, помогите мне уничтожить эту тварь, мне надо, чтобы она прекратила создавать свою агентурную сеть... В моей жизни происходят какие-то странные, пугающие, непонятные события: внезапно появились дедушка Шариковский, Писатель и вшивая Пантера, которая меня всячески унижала, а потом явился товарищ Вождь и долго бил меня курительной трубкой по голове. Он, наверное, был прав, когда предложил мне скинуть голый Народ на льдину где-нибудь в Арктике. Как вы считаете? Доктор?

Помогите... У меня ощущение, что надвигается катастрофа, и никакие деньги, танки и пластические операции уже не помогут. Народ проклятый попал под влияние мыши и себя уже не так стегает, как раньше, и начал проявлять свободу волеизъявления, а ему свободу дать нельзя – он начнет действовать по указанию серой мыши!!! Народ тупой, весь пропитан идиотизмом и хмелем, деградировал, и им легко манипулировать. Доктор, пожалуйста, я сейчас позвоню слугам, и они переведут на ваш счет невероятные деньги... Вам такие и не снились, такие честным трудом никогда не заработаете... тем более в сфере медицины, я в эту сферу вообще ни гроша не вкладываю, ее презираю и не уважаю. А зачем? Все средства на борьбу с Мышью и ее многочисленными агентами – по всему помещью и за его пределами!!! Доктор, помогите мне ее поймать. Я знаю, что у вас есть таблетки, которые сделают ее ленивой и пассивной, и мне будет легче ее отловить. Я спрячу эти таблетки в сыр, который она обожает. Или загипнотизируйте ее, чтобы она уснула, и тогда я с ней расправлюсь!

Зак внимательно слушал монолог Барина, сосредоточившись на абстрактной точке,

однако, по всей видимости, сосредоточился на ней слишком сильно, поскольку увидел внутренним взором Мариту, изнывающую от недостатка любви.

– Немного попозже, – мысленно попросил он женщину, – у меня важный разговор с Баринном, у нас, по всей видимости, решается судьба Народа.

– Нет – твердо возразила женщина, – не трать время на пустые разговоры, дай Барину лекарство, он сошел с ума, ты же знаешь. сколько сейчас эффективных средств. Дай и беги сюда. Я тебя очень сильно люблю и хочу.

– Ну пожалуйста, – настаивал психиатр, – дай минут 15–20, надо разобраться.

Женщина неохотно кивнула головой и исчезла.

– Ну? – жалобно протянул Барин. – Доктор Зак, вы мне можете?

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвался Народ. Он злобно посмотрел на Барина и шлепнулся в кресло.

– Доктор, – крикнул Народ, вы обязаны поместить Барина в психушку, он остро больной, лишил меня прибавок, надбавок и всего прочего. Теперь я ножки от сульев грызть должен?

– Вот видите, доктор?! – бросил Барин. – Наглый хам, агрессивный и опасный, хуже, чем ненавистный Востронос. Ну ничего, бульдоги с тобой разберутся быстро. Да ты грязный подонок – предатель, агент большой серой мыши!!!

– Только не драться, – попросил доктор, – не выкидывать никого из окна и не распускать руки. Давайте спокойно разберемся.

– Нельзя спокойно, доктор, – сказал Народ, – поздно. Он сошел с ума. Полностью слетел с катушек.

В кабинет внезапно ворвалась свора громадных бульдогов и, прыгнув на Народ, стала рвать его на части. Народ пытался отбросить собак и кричал от боли и от возмущения поведением Барина, а тот тихо посмеивался, и весь его вид выражал полное удовлетворение сложившейся ситуацией.

– Нет, – закричал психиатр, – так невозможно работать, уберите собак.

– Кыш, – тихо сказал Барин, и все псы ментально вылетели из кабинета.

Народ, окровавленный, лежал на полу.

– Не бойтесь, доктор, – усмехнулся Барин, – он еще не помер. Надеюсь, что теперь заткнется, займется самобичеванием и уйдет восвояси

жрать хмель на скамейках в парке и испражняться на себя в кустах. Это то, чему ему реально надлежит в жизни заниматься сообразно уровню хамского интеллекта.

В комнату вошли санитары, положили Народ на носилки и вынесли из кабинета.

– Так нельзя, Барин, – высказал свое мнение психиатр.

– Только так и надо, доктор, он другого языка не понимает. Чем больше его бьешь и мнешь, тем больше тебя уважает. Как только слабину покажешь, так сразу тебя на куски порежет или за яички подвесит по велению мыши. Они у меня до сих пор ноют.

– Хотите попробовать лекарство? – тихим и мягким голосом поинтересовался доктор. – Эффективное. Убирает страх и здорово расслабляет.

– Давайте, доктор, я попробую, а то что-то явно не то, хотя четко вижу, что наметилась позитивная тенденция.

– Вот – доктор Зак протянул Барину рецепт, – по одной таблетке на ночь. Придете через неделю. Надеюсь, очень даже поможет.

– Зак, – он внезапно услышал голос Мариты и увидел ее очаровательные формы, – дай мне

с ним разобраться. Ты здесь бессилён. Я вижу, это довольно сложный и запущенный случай. Я смогу тебе помочь.

– Хорошо, – попросил психиатр, – попробуй. Я довольно сильно устал сегодня от всяких неожиданностей – бульдоги, драки, вой, кровь.

Барин взял рецепт и, не спеша, вышел из кабинета, тихонько закрыв за собой дверь.

Доктор Зак уронил голову на стол и отключился от знакомой психореальности, несмотря на то, что был полдень и солнце стояло в апогее, освещая многослойный пыльный психомаразм многовариантной современной сумасшедшей жизни в столице поместья.

Барина привезли домой. Он разделся и только собрался принять таблетку, как вдруг с ужасом увидел, как в его сторону двигается тяжелое кресло, ранее заслонявшее собой вход в кладовку. Он оцепенел, хотел закричать, но почувствовал, как потерял дар речи. Кресло отодвинулось достаточно далеко, дверь открылась, и из нее вышла ослепительной красоты женщина. Она вела на поводке громадного размера Мышь. Именно ту, которая угрожала съесть маленького Барина, когда тот, голенький, прыгал в кроватке.

– Ну пообщайтесь, – произнесла женщина и внезапно исчезла, растворившись в воздухе.

Барин чувствовал, что от страха не может даже пошевелить пальцем. Обездвиженный, он лежал на кровати и с отчаянием смотрел на приближающуюся к нему Мышь.

Мышь села на край кровати, пошевелила усиками и сказала:

– Ну что, сука Барин, попался, вот я тебя сейчас и сожру. Буду тебя есть медленно, медленно, срывать один кусок мяса за другим, начну с твоих яичек.

– Не надо!!! – закричал Барин внезапно пропавшимся голосом. – Не надо, что ты от меня хочешь? Денег? Власти? Я все сделаю, не трогай, не ешь меня!

Барин плакал навзрыд.

Краем глаза он увидел Пантеру, которую он встретил той холодной зимней ночью в Санкт-Петербурге.

– В принципе, я могу сожрать эту Мышь, – заметила Пантера, – но не стану, не нравится мне Мышь, однако Барин еще хуже.

– Согласен с мнением Пантеры, – рядом с ней появился Вождь, – товарищ Барин не заслужил доверия, был замечен в недоверии

к авторитетам и вообще постоянно проявляет мягкость характера там, где должен действовать по законам товарищеского времени – принципиально, быстро, четко, без сантиментов и соплей.

– Эй, не надо внука есть, – раздался крик, похожий на собачий лай, откуда-то сверху. – Барин – мой внучок Шариковский. У него мясо псиной гнилой пахнет, можно отравиться. Слышь, Мышь, он невкусный...

– Пошли вы все... – Мышь махнула хвостом и нагло улыбнулась, так близко приставив морду к лицу Барина, что он ощутил на коже шевеление ее усиков, – ну что, Барин, наступил час расплаты...

– А что я сделал? – Он дрожал всем телом и плакал. – Никого не ударил, никого не обидел... Не надо меня есть...

– Барин, – продолжала Мышь – неужели ты серьезно считаешь, что ты такая великая личность, что я за тобой все время гоняться буду? Что я стану тратить время на то, чтобы тебя преследовать, строить тебе всякие гадости и отравлять жизнь? Да ты не стоишь ногтя на мизинце задней правой ноги Пантеры, седого волоска на голове Писателя, сломанной

пуговицы на пиджаке товарища Вождя. Ты есть вор поганый, полное дерьмо, ничтожество и подонок. Тебя и жрать-то неприятно, хотя яички можно попробовать. – Мышь уверенным движением скинула одеяло, затем стянула с него трусы и уже хотела схватить когтями за гениталии, как ее утащила в сторону Марита.

– Ладно, – сказала она Мыши, – на сегодня с него хватит, мы вернемся рано утром на рассвете. А сейчас надо идти, я по доктору Заку скучаю.

Мышь неохотно встала с кровати и заковыляла вслед за ней по направлению к кладовке.

Свет в спальней Барина потух сам по себе, но заснуть он был не в состоянии. Больше всего на свете он не хотел наступления рассвета.

Барин внезапно почувствовал как что-то у него в голове щелкнуло и переместилось с места на место. Он только не мог понять, было ли это к лучшему или наоборот, но, несмотря на все пережитое, почувствовал, что все происходящее в его жизни – лишь временные трудности, и наметилась явная позитивная тенденция, очень медленно поднимающаяся на поверхность с глубокого дна.

Где-то в соседней комнате шумели. Писатель, Пантера, дедуля Шариковский и товарищ Вождь пили водку, играли в карты, курили махорку и матерились.

– Ну, хотя бы не так одиноко, – подумал Барин и понял, что скоро произойдут кардинальные изменения. И не только в его жизни, но и в жизни Народа, обмотанного с ног до головы грязными бинтами, забытого всеми на свете, лежащего на голом полу в одном из грязных коридоров городского госпиталя, едва-едва, еле-еле существующего на подачки слуг Барина, сейчас пьющих коньяк в Монте-Карло.

Барин слышал, как за окном необычно громко смеялись Востроносы.

– Суки, сволочи, погодите, я вас всех достану, – это было последнее, о чем он подумал.

ГЛАВА 3

Барин проснулся в полдень. Вскочил, как ошпаренный, с кровати. Посмотрел по сторонам, наверх, вниз – яички все еще были на месте.

Он с облегчением вздохнул и прислушался: никто не кричал, вроде как тихо. Барин прошел

в соседнюю комнату, осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь – никого не было. Его прошибло потом, закружилась голова, и он свалился на пол.

– К доктору, к Заку, немедленно, – пронеслось в голове.

– Слуги!!! – закричал он. – Самолет!!!

Через несколько минут он сидел перед психиатром, который медленно, но уверенно возвращался в четырехмерную реальность после бурно проведенной ночи.

– Доктор, доктор, проснитесь, – прохрипел от волнения Барин, – у меня в голове что-то сдвинулось. Может, это хорошо? Похоже, наметилась позитивная тенденция... Подъем со дна... Так сказать, по сути. По существу... Наверх... К свету...

– Интересно, – заметил Зак, приоткрыв левый глаз, – и что, вы думаете, там сдвинулось?

– У меня такое ощущение, – у Барина на глазах появились слезы, и он внезапно согнулся кочергой, как бы от большой грусти, – что мыши на меня глубоко наплевать. А если это так, доктор Зак, по сути, по существу, в глубине проблемы, так сказать... ну... в сердцевине происходящего... то...

Барин начал плакать, роняя слезы на маленьких рыжих муравьев, которые поселились в кабинете доктора по причине обожания психоанализа и разговоров о людских проблемах. Это давало им возможность осознать, что быть и жить рыжим муравьем намного интереснее и забавнее и, главное, безопаснее, чем человеком.

– А почему вы так расстроены? – удивился Зак.

Барин содрогался в рыданиях. Доктор достал салфетку, посмотрел на пол – нет ли там яблочных огрызков – и потянулся через стол к Барину.

– Нате, – предложил он, – возьмите, подотритесь... успокойтесь...

Барин еще немного потрясся в рыданиях, утопив массу ни в чем не повинных насекомых и, наконец, тихо проговорил.

– Ну, если по существу, если мыши на меня наплевать, то чем я всю жизнь занимался??? На что ее потратил? В чем был ее смысл? Доктор, я бы мог быть музыкантом и петь, я в детстве хорошо играл на пианино... У меня красивый тенор... А что теперь? Я уже пожилой человек...

– Ну что вы, Барин, – психиатр сделал не совсем удачную попытку его успокоить, – посмотрите в зеркало: молодо выглядите, спортивный, подтянутый, голова еще неплохо соображает, да вам еще жить да жить... Займитесь сейчас тем, что любите...

– Поздно, поздно, доктор, – Барин глубоко вздохнул, – много я напортачил с тех пор как перестал на пианино играть и петь...

– Да я вас уверяю, что у вас все еще впереди!

В этот момент дверь открылась, и в кабинет ввалился полусогнутый Народ, обернутый в окровавленные бинты. В правой руке у него был большой металлический костыль. Увидев Барина, Народ пулей бросился к нему и стал лупить костылем по голове.

– Не надо, постойте!!! – воскликнул психиатр. – Барин осознал свою ошибку, он теперь будет петь и играть... Не бейте...

Доктор бросился к ним, но упал на пол, сраженный ударом костыля в темечко.

Барин защищался, как мог, держа перед собой сначала стул, потом стол, а затем психиатра доктора Зака.

Народ замешкался, и Барин, воспользовавшись мгновением, прыгнул на окно, вдребезги

разбил его и полетел головой вниз с пятого этажа в направлении клумбы.

Падая, Барин просил Бога о быстрой и безболезненной смерти, однако тот решил по-другому, и Барин опустился на нечто волосато-колючее, дурно пахнущее, серовато-черноватое, мерзкое и тошнотворное.

Барин слегка приоткрыл левый глаз и увидел жутко безобразную морду оскалившейся мыши.

– Ну что, сука Барин, – сказала Мышь стеклянным голосом, – сейчас ты у меня попляшешь...

– Да, да – Народ высунул забинтованую голову из окна и закричал сверху, – покажи ему кузькину мать, Мышь... покажи... Придержи его, я сейчас спущусь...

– Не надо, – попросил Барин, плача в который уже раз, – отпусти меня, я уже все понял и осознал...

Доктор Зак очнулся и попытался подняться на ноги, держась за стул. Дикая боль в голове не давала ему возможности расслабиться и спокойно проанализировать сложившуюся психиатрическую ситуацию.

Большая серая Мышь бежала по улицам сумасшедшего города, держа Барина на руках, а он

продолжал плакать, ощущая себя маленькой трагической жертвой обстоятельств. За Мышью бежали обезумевшие от злобы бульдоги, но она была намного быстрее и проворней. Бульдоги отстали, и теперь Мышь быстро шла по одной из многочисленных деревень в большом поместье Барина.

Барин видел развалившиеся, на корню сгнившие дома, все утопло в грязи, люди лежали в канавах в собственных испражнениях и пили что-то из бутылок и консервных банок. Время от времени они вставали и вместе со свиньями, курами и крысами ползали, копошились возле бесчисленных громадных помойных баков, пытаясь выловить оттуда крошки хлеба, окурки и разные грязные тряпки, чтобы скроить себе одежду.

Мышь вошла в избу и положила Барина на невероятно грязный пол. Кругом копошились свиньи, куры и гуси. Животные были страшно возбуждены от голода и сразу начали грызть и клевать Барина.

– Не надо! – закричал он. – Не трогайте меня!

– Вот, – сказала Мышь и посадила его на длинную цепь, один конец которой был

прикреплен к его ноге, а второй – к железяке, торчащей из печи.

– Поживешь здесь перед тем как я тебя съем. А вот еда, – Мышь притащила откуда-то несколько ящичков.

– На завтрак, – сказала она – стакан навозного хмеля и кусок черствого хлеба. На обед тоже стакан и картофелина сырая. На ужин еще стакан и сырая свекла.

Сказав это, Мышь исчезла.

– Не надо, – что есть силы закричал Барин, – я все осознал. Извиняюсь!!!

– Ах ты, дрянь, извиняешься? – он услышал голос Народа.

Тот сидел на стуле рядом, бинты сползали на пол, и Барин видел на его теле жуткие следы от укусов своих бульдогов.

– Ты перед смертью, гнида, – продолжил Народ – поживешь так, как я жил все эти года, пока ты был в поместье Баринном.

С этими словами он вышел из избы.

– Слуги!!! Слуги !!! – некоторое время кричал Барин, потом выдохся и лег на мусор. Через пару дней он почувствовал как впадает в депрессию, схватил бутылку навозного хмеля и разом ее опустошил. Поев сырой картошки и свеклы,

он свалился на грязных поросят, сидящих на мусорной куче в углу, и заснул. Проснувшись, увидел, что ничего в его жизни, по существу, в принципе, по сути, не изменилось, и продолжил пить и закусывать корнеплодами. Через неделю, после того как выпил много ящиков хмеля и съел всю гнилую картошку с такой же свеклой, он внезапно увидел перед собой деда Шариковского. Тот, совершенно пьяный, с бутылкой навозного хмеля в руке, сидел на спине дико визжащего от чрезвычайного стресса поросенка и улыбался.

– Ну что, внучок, – прошепелявил дед, – любишь выпить да закусить, да в грязи всласть поваляться?

– Люблю, дед, – откровенно признался Барин, – просто в прошлом не отдавал себе в этом отчета. Боялся сам себе признаться, так сказать. Считал себя интеллигентом и мучался, живя не своей жизнью.

– Ты из нашего рода, из Шариковских!!! Гордиться должен! – крикнул дед, пошатнулся и, упав с поросенка, уткнулся лицом в гнилой картофель.

– Горжусь, – с трудом выговорил лежащий на полу Барин – очень горжусь... Дед, что они

все ко мне пристали?! Я ведь просто хочу нормальную водку пить на свежем воздухе, а не это навозное дерьмо, бабу хочу, в морду дать кому-нибудь, на пианино сыграть и песенку спеть.

– Ты не можешь опускаться до уровня животного, – Барин услышал низкий голос и увидел перед своим носом блестящий кирзовый сапог, – ты прежде всего товарищ, а не Барин. Ты обязан соблюдать дисциплину!

– Товарищ Вождь, – Барин поднял голову, – расстреляйте меня. Я безумно устал. Моя жизнь была никчемной. Я просрал свое время. Я убил свой талант.

– Да не морочь себе голову, внучок, – засмеялся дед Шариковский. – пей вдоволь, а бабу, кому морду набить и пианино я тебе подсоблю найти. – Дед подполз к гусю, обнюхал его со всех сторон, схватил за шею и попытался открутить голову.

– Я не хочу тебя сейчас расстреливать, поскольку желаю, чтобы ты помучился и испустил свою вину перед товарищами за то, что жил как недостаточно решительный соплеед, – сказал Вождь.

Он долго раскуривал трубку, а потом заметил:

– А что по поводу всего происходящего думает товарищ Писатель? Не кажется ли ему, что пора написать будущую историю поместья так, чтобы всем нашим врагам там не осталось места?

– Хорошо, товарищ Вождь, я подумаю над вашим предложением, – ответил Писатель, вошедший в избу через стену.

– Над моим предложением думать надо очень быстро, а еще быстрее делать, – продолжил Вождь. – я не слышу в вашем голосе энтузиазма. Вы для себя хотите быстрый товарищеский суд?

– Я, товарищ Вождь, очень волнуюсь за Поместье, – ответил Писатель – Барин мне совершенно не нравится. Я бы ему не доверил судьбу Народа.

– Вы неправильно мыслите, Писатель, в корне неправильно, неверно по сути своей и существу вопроса, – Вождь полчаса расхаживал взад-вперед по избе, собираясь с мыслями. Все молчали и ждали, когда тот продолжит свою гениальную речь.

– Во-первых, – продолжил, наконец, Вождь, – судьба поместья будет всегда в руках товарищей, наших товарищей, полноценных,

преданных поместью и непримиримых в борьбе с вездесущим врагом. Я надеюсь, они будут более в себе уверены, решительны, принципиальны и непримиримы, чем товарищ Барин. Хоть я им всем принципиально абсолютно не доверяю, но уважаю за уверенность в принятии принципиальных решений по ликвидации и уничтожению всего, всех и обо всем... Далее, вы произнесли слово Народ. Что такое Народ? Это мясо! Тупое, завистливое, глупое мясо. К тому же всегда протухшее и вонючее. Иногда оно пушечное, а иногда ему и вообще применения нет. Не надо усложнять простое и понятное, Писатель. Я всегда вас уважал за ваш талант, пытался вам помочь, как мог, не разочаровывайте меня и не укорачивайте таким образом свою и так недолгую и мучительную жизнь творческого человека.

Вождь глубоко затнулся табачным дымом, немного походил и добавил:

— Есть одна просьба к вам, как к Писателю и человеку, любящему свое поместье: мне не нравится, как вы выписали характер Барина. Сделайте его более решительным, принципиальным и беспощадным. Надо ему дать возможность исправиться и, заняв старую

позицию в руководстве помещьем, начать новую политику. Взгляните на него, – товарищ Вождь показал трубкой на в стельку пьяного, лежащего практически без сознания в свинокуриных испражнениях Барина, – он сейчас недостоин управлять помещьем. Дал слабину, почувствовал себя виновным и начал раскаиваться. Он не может в таком виде руководить. Вы меня поняли, Писатель?

– Я постараюсь, товарищ Вождь, – пообещал Писатель, – сделаю все, что могу.

– Хотя... – Вождь надолго задумался. – Вы знаете, я думаю, что не надо его вам улучшать, он, по всей видимости, уже в таком плачевном, запущенном состоянии, что ему поможет только товарищеская пуля.

Товарищ Вождь вынул наган из кармана пиджака.

– Ну можно мне его забрать тогда, если он вам не нужен, пожалуйста, – взмолился дедуля Шариковский, – пусть со мной живет, я о нем позабочусь... Родная кровушка все таки...

Вождь очень долго размышлял, прохаживаясь взад-вперед.

– Хорошо, – наконец, сказал он, – забирай этот сопливый мусор.

– Я к доктору, доктору Заку хочу... – прохрипел Барин. – Оставьте меня в покое, я устал...

Дед Шариковский схватил его под мышку и исчез.

Вождь, Пантера и Писатель сели за стол, достали несколько пачек папирос «Казбек», игральные карты, ящик армянского коньяка и начали коротать время.

Мышь вернулась через несколько дней и была очень разочарована отсутствием Барина. Она специально ничего не ела с утра, надеясь хорошо позавтракать, но Пантера быстро ее прогнала, начав стрелять из нагана.

Народ также был разочарован, не найдя Барина на месте, но быстро успокоился, приняв предложение покурить, выпить и перекинуться в картишки.

Слуги очень нервничали и суетились, лихорадочно ища квалифицированных пластических хирургов.

Доктор Зак сначала сильно переживал, что потерял интересного клиента и не выполнил врачебный долг, но очень быстро отвлекся на свою инопланетную красавицу и позабыл о Барине.

А тот впервые в жизни ощутил себя дома в родной псарне деда. Он нашел в углу хлева пианино, принадлежавшее обезглавленным дедом врагам поместья, и понял, что, наконец сможет отдать всего себя, в принципе, по сути, в корне, по существу, именно тому делу, о котором мечтал всю свою длительную полужизнь, посвященную священной борьбе с мистической злой кровожадной Мышью и ее агентурой.

Барин сел на сломанный деревянный ящик, стал играть на пианино и почувствовал себя счастливым человеком, впервые в жизни. Дед Шариковский стоял рядом с хромой, никогда им не мытой лошадейю и слушал игру внука со слезами на глазах:

– Мы теперь с тобой, внучок, временами будем теми, кем и должны быть – псами, но периодически станем появляться в обличьи людей – так, больше для развлечения, водочки попить, в картишки перекинуться, – шептал дедуля в поникшее от тоски ухо лошади и легким ударом правой ступни сбрасывал на землю вшей со своей левой щеки.

Поместье лишилось хозяина, и Востроносы стали смеяться еще сильнее, не давая спать и так до смерти испуганным слугам, лица

которых день и ночь резали талантливые пластические хирурги.

Доктор Зак безумно устал от шума, бития по голове металлическим костылем, стрельбы, крови, драк, матерных ругательств и прочих неожиданных поворотов в процессе лечения пациентов. Притомился он также от бесчисленных бурно проведенных ночей в объятиях прекрасной инопланетянки.

А где-то далеко-далеко, вне времени и пространства, Писатель пытался раскрыть образ будущего руководителя поместья. Образ не получался.

– Хотите, я этим поместьем займусь? – внезапно он услышал знакомый женский голос позади и, обернувшись, увидел Мариту, которая сидела на диване в красном платье, соломенной шляпке и улыбалась.

– Писатель, – устало произнесла она, – доктор Зак меня немного утомил своими бесконечными философскими поисками смысла жизни. Мне сейчас интересны Вы со всех точек зрения, и я бы с удовольствием Вам помогла во всех Ваших начинаниях. Для начала, как я уже заметила, могу на себя взять поместье, это, возможно, будет моим, пожалуй, самым

увлекательным приключением на вашей планете Земля.

Писатель достал папиросу, зажег спичку, затянулся дымом, посмотрел, прщурившись, на женщину и произнес

– А что, довольно интересная мысль...

Он долго смотрел на Мариту, гордясь самим собой. Ах, как удачно он выписал ее внешность и характер!

Писатель походил по комнате взад вперед, потом подошел к столу, на котором стоял графин с водкой. Он налил себе полный стакан и одним глотком осушил, занюхав рукавом рубашки.

– Все, – произнес Писатель, – на сегодня хватит. Спать. Утро вечера мудренее.

В одежде свалился в постель и мгновенно заснул. Марита его раздела, разделась сама, легла рядом и поцеловала Писателя в щечку.

Под кроватью во сне урчала довольная жизнью, сытая Пантера.

Мужчина с усами, одетый в мундир, в кирзовых сапогах, храпел, развалившись в кресле.

Писатель проснулся через несколько минут и почувствовал, что не может больше спать. Обнял Мариту, тяжело вздохнул, попытался расслабиться и ни о чем не думать.

– Думать надо, – услышал он низкий голос, – даже если вы Писатель, а иначе за вас станут думать бывшие товарищи, сегодняшние враги.

– Да уж, – подумал он и, сильно согретый женским теплом, снова провалился в глубокий сон.

Доктор Зак, сидя в своем кабинете в кресле, глубоко задумался о смысле жизни и не заметил, как погрузился в одну из плоскостей своего третьего глаза. Внезапно увидел себя сидящим с довольно грустным видом на скамейке в парке. Рядом, удобно пристроившись к нему сбоку, спала Пантера, урча во сне.

– Товарищ Зак немного переутомился – к ним подошел человек в кирзовых сапогах и мундире, – ему нужна помощь в виде товарищеского плеча, которому можно довериться.

Вождь подхватил одной рукой Пантеру, другой психиатра и пошел быстрой и уверенной походкой по направлению к темному переулку.

– Подождите, я с вами! – услышал он крик позади, обернулся и увидел спешащий к нему Народ. Народ был одет лишь в рваные с большими дырами трусы, на ногах – резиновые тапочки, которыми он чмокал по грязному снегу.

– Народ – твердо сказал Вождь – тебе веры нет. Ты подхалим и доносильщик. Убирайся домой, в свою канаву.

– Но я уже не такой, товарищ Вождь – взмолился Народ, – не дайте с голоду пропасть на холодных пустынных улицах родного поместья. Я же работать разучился, могу только воровать, лежать, водку пить и морду бить всем кто на меня не похож, а также Востроносов ненавидеть. Но, в целом, я уже немного другой, себя уже так сильно не стегаю и это большой прогресс.

Вождь достаг наган и выстрелил в воздух

– Убирайся, ленивый поганец! – произнес он суровым басом. – В следующий раз стреляю по ногам.

Народ остановился и заплакал.

– Товарищ Народ, – заключил Вождь, – ты должен осознать свою полную интеллектуальную неполноценность. Да и физическую тоже – я тебя даже в лагерь не могу послать. Ты там первое бревно поднимешь и сдохнешь. Тьфу! – Вождь смачно плюнул и быстрой походкой пошел восвояси.

Народ, отощавший, пожелтевший, весь в синяках, растерянный, испуганный, жалкий, сто-

ял под дождем, обдуваемый ледяным ветром, и плакал от осознания своей полной беспомощности.

К нему подбежали два пса, каждый из которых держал в пасти большой кусок жареного мяса. Народ с большим трудом узнал в двух животных Барина и дедулю Шариковского. Псы бросили мясо под ноги Народа, немного полаяли и мгновенно скрылись в глубине темных, вонючих, никогда не убираемых столичных дворов, сплошь заставленных помойными ведрами и сидящими в них паршивыми котами и крысами.

Народ сидел на асфальте и изо всей силы с большим энтузиазмом вгрызался распухшими от недостатка витаминов деснами в куски вкусного мяса, благодаря Барина за проявленное к нему снисхождение, благородство и милость.

Вождь долго плутал по темным извилистым закоулкам, а потом вошел в большой светлый зал, заставленный антикварной мебелью, и сбросил на пол психиатра и Пантеру.

У зала как бы не было границ и он простирался в бесконечность во все стороны.

Вскоре в зал вошли все слуги Барина, рядом с ними бежали два пса. Вполз голый,

замерзший, плачущий от тоски и отсутствия навозного хмеля, постоянно голодный Народ, все еще давящий уже более опухшими деснами жареное мясо. Вбежала целая толпа пластических хирургов, перемешанная здесь и там с нищей, вечно недовольной жизнью творческой интеллигенцией, желающей на последние гроши увеличить груди и пиписьки и уменьшить животики и попки. Доктор Зак внезапно увидел прямо перед собой всех женщин, с которыми он когда-либо был близко знаком в прошлом. Все оказались совершенно голыми, их лица выражали радость и полнейшее удовлетворение. Они бросились к психиатру и стали его целовать, говоря ласковые нежные слова и глядя его по натруженной психиатрической голове. И, наконец, в зал въехал громадного размера стол, на поверхности которого стоял большой кактус. Возле стола возник стул, на котором лежал отгрызок яблока. Все внезапно стихло, и в зале появился Писатель. Он взобрался на стол, оглянулся и начал говорить. Двое псов залезли под стол и тихонько там затаились, на время перестав скулить. Народ прекратил жевать и весь обратился в слух.

Женщины психиатра перестали смеяться и целовать его и, все еще выразительно голые, уселись вокруг стола.

– Марита! – воскликнул Писатель, и в зале появилась ослепительно красивая женщина.

– Так это же.. – воскликнул Зак...

Она встала рядом с Писателем и обвела всех гордым и независимым взглядом.

– Друзья, – начал Писатель, – я жил в темные времена. Темнее не придумаешь. Города освещались лишь кострами, в которых сжигали трупы, сплошняком устилавшие дороги, пути и подъезды. Везде бегали громадные довольные крысы, поедая все и всех подряд. Люди в шинелях стреляли в кого попало. Интеллигенцию раздевали догола и выбрасывали с крыш на мостовые. По улице ходили Шариковский с командой товарищей – одна из собак под столом внезапно заскулила – и это все произошло потому, что один маленький картавый лысенький человечек был в глубокой клинической депрессии. Это состояние у него проявлялось в жуткой агрессии, желании насиловать и убивать все, что шевелилось тогда и могло потенциально пошевелиться в необозримом будущем. К большому сожалению, психиатрия как наука еще не состоялась, и в те

далекие, темные и жуткие времена не было никаких лекарств, кроме водки, махорки и нагана. Это коснулось лично меня, когда я провел, можно сказать, лучшие годы своей жизни в угаре, страдая от депрессии, вызванной отчасти тем, что мои произведения игнорировались нелечеными алкоголиками, шизофрениками и просто клиническими дебилами и идиотами, в то время составляющими большинство населения опять-таки по причине отсутствия серьезных медикаментов. А что произошло в 30-х, 40-х и 50-х?! Товарищ Вождь заболел паранойей и в результате обезглавил свой Народ.

– Ну что ж, – заметил Вождь – вполне возможно. Допускаю, что вы правы. Хотя можно с товарищами поспорить по этому поводу.

– Помню, помню, – прохрипел простуженным горлом Народ, – все помню, обезглавил, полностью.

– А сколько было уничтожено в лагерях, тюрьмах, застрелено и закопано живьем, когда к власти пришли остальные клинические идиоты и дебилы? Как бы им помогли современные лекарственные средства! А наш последний Барин? Пример того, как детский страх может превратиться в манию преследования

и привести Народ к полному и окончательному обнищанию и отупению. Так вот, сегодня последний день, когда вы, мои друзья...

– Товарищи, – уточнил Вождь, – здесь есть принципиальная разница.

– Да, друзья и товарищи, – продолжил Писатель, – вы все страдаете от различных психических расстройств. Сегодня я привел сюда самого гениального психиатра всех времен и народов – Доктора Зака. Он подойдет к решению ваших проблем быстро и практично, используя самые современные лекарства, которые приведут вас в чувство буквально в течение нескольких дней.

Все громко закричали «Ура!» и захлопали в ладоши, а два пса стали от восторга царапать когтями ножки стола.

Голые женщины подняли доктора Зака на руки и понесли по направлению к столу, а затем посадили на стул. Доктор ощутил под попой огрызок яблока, нащупал его рукой и в это мгновение увидел внутренним взором нужную абстрактную точку. Сосредоточившись на ней, впал в знакомый полутранс и почувствовал, что абсолютно готов к работе.

К доктору Заку выстроилась бесконечная очередь.

– А вознаграждение за труд? – поинтересовался психиатр.

– Конечно, и это предусмотрено, – ответил Писатель. В зал вкатили несколько ящиков с драгоценностями.

– Вот теперь можно работать! – воскликнул психиатр и принялся выписывать лекарства направо и налево.

Слуги Барина хватали рецепты, выбегали из зала и тут же через мгновение возвращались обратно с нужными лекарствами.

Пациенты пили таблетки, запивая их водой из хрустальных графинов.

Писатель с наслаждением пил какую-то микстуру прямо из бутылки.

– Мне нравится ход ваших мыслей, товарищ Писатель, – заметил Вождь Писателю и проглотил сразу несколько пилюль довольно больших размеров.

– Мне уже легче, – прошипела Пантера и с благодарностью лизнула доктора Зака в кончик неарийского носа.

Псы дрались, пытаясь отнять друг у друга медикаменты.

Свет в зале потихоньку потухал и исчез полностью, когда доктор Зак дописал последний

рецепт. Психиатр встал из-за стола и попытался пройти к тому месту, где стояли ящики с материальными ценностями, но наткнулся на что-то очень мягкое и нежное. Вынув из кармана спичечный коробок, психиатр чиркнул спичкой, чтобы разглядеть, что это было. Прямо перед ним возвышалась большая нежная белая женская грудь с громадным розовым, набухшим, торчащим вперед соском.

– Пей, Зак, – раздался откуда-то тихий голос Писателя, – Пей. Это твоё лекарство, все твои проблемы в жизни от того, что ты в своё время недососал материнского молочка.

Доктор Зак немного смутился и замешкался.

– Пей, – услышал он грозный низкий голос, и прямо перед своим носом увидел дуло нагана – это твоё лекарство.

Психиатр стал посасывать молочко, которое теплой живительной стружкой потекло ему в рот.

– А драгоценности где? – хотел он спросить, но так внезапно расслабился в первый раз в жизни, что немедленно погрузился в глубочайший транс.

На следующий день, закончив очередной приём больных в своём офисе, Доктор Зак ехал

в машине в хорошем настроении, насвистывал популярный мотивчик и слушал по радио последние новости. Дикторша объявила, что на место управляющего помещьем назначена женщина по имени Марита. Доктор вздрогнул, потерял управление и очнулся в приемном покое госпиталя, где ему накладывали шину на сломанную в результате автомобильной аварии ногу.

Он окончательно понял, что реальность, как мы ее понимаем, является лишь чьей-то фантазией, а наша фантазия, в свою очередь, не что иное, как реальность где-то в другом измерении, и так до бесконечности. И вообще все происходит в различных плоскостях его, доктора Зака, третьего глаза, где умещаются все миры. И он делит этот глаз под номером 3, это пространство, со всеми живыми существами.

Доктор лежал на носилках и думал о том, что он устал от настырной, постоянно его изучающей, требовательной Мариты, и ему хочется встретить женщину своей мечты – нежную, ласковую, послушную, молодую, красивую, изящную, безумно в него влюбленную и исчезающую именно тогда, когда ему это нужно, и тогда же появляющуюся. Он создал

детальный образ этой женщины у себя в голове и стал ее ждать.

Снизу под носилками внезапно заскулила собака.

– Нет, только не сейчас, немного попозже, – подумал Зак.

Обнадеженный пес радостно залаял, затем послушно выбежал из госпиталя и вместе с другим псом вскоре скрылся где-то в глубине парка, в надежде вечером нарыть где-нибудь чего-нибудь съестного. Псы бежали по тропинке и постоянно испуганно озирались по сторонам, страясь избежать неожиданных встреч со свирепыми бульдогами. Иногда их подкармливал копченой колбасой появляющийся время от времени в парке грузный усатый человек с курительной трубкой во рту, одетый в мундир и кирзовые сапоги. Периодически рядом с собаками можно было видеть большую черную Пантеру, одетую в шинель, шагающую на задних лапах.

Изящная, прекрасная Марита вместе с элегантным господином среднего роста в пенсне, с бабочкой на шее и тростью в руке отчаянно веселились на балу, куда были официально приглашены громко смеющимися Востроносами.

Народ вставил себе новые зубы и уже не пил целый месяц. Он, одетый в недорогой, но опрятный костюм, с восхищением смотрел на Мариту, совершенно забыв про плеть, которая неизвестно куда исчезла. Раны на его спине начали заживать. Наметилась реальная позитивная тенденция – по сути, по существу, принципиально.

Доктор Зак был немного расстроен: ящики с драгоценностями оказались фикцией. Психиатр был рассержен на Писателя. И это, безусловно, портило настроение.

– Ящики превратились в женскую грудь, – внезапно прозвучал голос Писателя в голове доктора, лежащего на носилках, – я этого не хотел, однако существуют мистические силы, которые сильнее меня.

– Это я пошутила – в голове доктора раздалось хихикание Пантеры. – Богатство портит характер, доктор Зак. А он у вас хороший стал после того, как вы соизволили молочка вдоволь напиться.

– Я согласна. – доктор узнал голос Мариты. – Пантера права. Ты мне сейчас намного больше нравишься, чем раньше. Но Писатель мне нравится еще больше!

– Не расстраивайся, доктор, – продолжала хихикать Пантера, – я тебе женщину твоей мечты скоро найду.

– Да, Пантера, помоги ему в этом отношении, – попросила Марита, – а то он что-то заскучал. Энергию, наверное, девать некуда.

– Только помни, Зак – снова включился в разговор Писатель, – идеальных женщин нет, ты думаешь, мне легко с Маритой?

– Уверен, что нет, – ответил психиатр.

– Да, кстати, – доктор Зак обратился к Писателю, – а где ваш Мастеровский? Что-то я его давно у себя в офисе не видел.

– Я здесь, – доктор Зак услышал его голос, – я всегда рядом, но очень застенчив и давно не решаюсь снова к вам зайти на прием, а надо, ой как надо, доктор. Не жизнь, а сплошное мученье. Там болит, здесь болит, все говорят мне психиатру показаться надо. Марита от меня устала и сбежала сначала к вам, а потом к Писателю. Даже канарейка улетела. Не было сил ее кормить. Но я твердо решил к вам прийти на следующей неделе.

Психиатр внезапно почувствовал, что хочет спать. Слишком много было впечатлений за прошедшие сутки. Он повернулся на бок на но-

силках и начал проваливаться в многоплановое многообещающее НИЧТО. Доктор улыбнулся, перед тем как полностью провалиться – ему нравился тот факт, что он сам, так же как и все остальные, являются лишь вымышленными героями Писателя. А сам Писатель – вымыслом какого-то гения. И кем бы тот гений ни был – доктор ему полностью доверял свою судьбу.

ЧАСТЬ 2

Психиатр, доктор Зак, жутко усталый, полувисел, перекинутый через спинку стула, насухо выжатый психожизнью. Он долго и тупо смотрел на сморщенный от старости, высохший огрызок яблока. Доктор уже год собирался его выкинуть, но не делал этого. Психиатр круглыми днями и бессонными ночами пытался проанализировать, почему он не выкидывает огрызок, и в конце концов понял, что ему нравится все старое, высушенное временем, антикварное, хранящее в себе тайну веков. Доктор глубоко вздохнул, посмотрел с ненавистью на задумчиво кружащуюся над огрызком, вечно живущую, ни о чем не волнуясь, муху, потянулся, чтобы взять огрызок и наконец выкинуть его, как вдруг дверь открылась. В офис вкатилось Нечто серовато-кругловато-угловатое, жутко пахнущее, склизкое, все покрытое консервными банками, грязными тряпками, обрывками газет, сломанными зубными щетками, плевками, осколками бутылок из под навозного хмеля, а также чем-то еще, не имеющем названия на человеческом языке, но пахнущем

так, что надоедливая муха, подлетев ради интереса поближе к Нечто, тут же упала замертво на пол.

Нечто свалилось в кресло, тут же превратив его в конгломерат грязных сломанных досок и тряпок. Доктор долго всматривался в Нечто, пока с трудом не узнал в нем Народ, сейчас пытающийся ему что-то сказать, но только издающий звуки, от которых находящееся в радиусе нескольких километров мыши разбегались в панике, не обращая внимания на ищущих их везде голодных кошек, на которых, в свою очередь, охотились обезумевшие бездомные и еще более голодные осиротевшие бульдоги слуг бывшего Барина.

– Что случилось? – удивился психиатр и наконец выбросил огрызок в мусорный бачок. Тот пролетел мимо, упал на пол и тут же был окружен миллиардами рыжих муравьев, которые любили антиквариат не меньше психиатра.

– Мне кажется, доктор, – с трудом выговорил Народ, наполняя офис запахом такого ядовитого хмеля, что таблетки перестали действовать.

Народ вынул из кармана новую, качественно сделанную плетель с металлической ручкой и массой колючих проволок вместо веревок.

– Вот, – Народ показал плеть психиатру, – я начал снова кайф ловить.

Он повернулся в разбитом кресле и показал доктору то, что должно было называться спиной, – красно-оранжевый круг, с черными полосами и впадинами, из которых вытекало что-то ярко пылающее, шипящее и выплевывающее пар, похожее на лаву, истекающую из вулкана.

– Да... – задумчиво протянул доктор Зак, пытаясь понять, какое еще можно подобрать средство для нормализации психофизического состояния Народа.

В дверь очень тихо и нежно постучали.

– Да? – доктор Зак широко зевнул. Он по опыту знал, что хорошо сделанный зевок иногда вынуждает мозг генерировать неожиданные, необычные, но часто правильные ответы на внезапно поставленные импульсивной жизнью странные для человеческого мозга вопросы.

Дверь открылась и в кабинет медленно, гусеницей, вползла Марита. Она выглядела очень растерянной, жалкой, неуверенной в себе, нерешительной, нервной, издерганной, невыспавшейся, недоевшей и смертельно усталой. Марита подползла к стене, немного там посидела, глядя в окно, за которым осень

насмерть добивала почти уже голые клены, и, качнувшись в сторону, упала на пол рядом с мертвой мухой. Муха согрелась ее теплом, внезапно ожила и полетела отбивать вечно живущий огрызок яблока у зажавшихся рыжих муравьев.

– Марита? – с удивлением произнес психиатр, немного растерявшись в начинающейся необычно, нестандартно складываться психиатрической ситуации. Доктор подскочил к ней и протянул руку, чтобы помочь встать.

– Не надо, – тихо ответила она, – дай полежать, отдохнуть... Я устала.

Народ приобрел более четкие формы и уже сидел, похожий на статую Родена, фыркая, чихая, сморкаясь, постоянно чмокая и стряхивая оранжевые сопли Заку на стол.

В офисе установилась мертвая тишина, во время которой остаток мозга доктора лихорадочно работал, безуспешно пытаясь отыскать в памяти название происходящему на психиатрическом языке.

– Я больше не могу... с этим Народом! – Марита внезапно заплакала. Сначала она плакала неслышно, но потом начала так громко рыдать, что разбудила сидящего на ветке клена за

окном врага Востроноса, который тут же начал истерически смеяться.

– Дай ему другую таблетку, – всхлипывала она, – чтобы пришел в чувство и с ним можно было бы создать нечто конструктивное, позитивное, положительное, перспективное, на что можно опереться и не провалиться в ад ниже дна.

– Да, – прошипел Народ, стряхивая возбужденных вшей на пол, – дай, а то я совсем стал плох, неуклюж, присосался к хмелю, себя рубить начал, Марите грублю на каждом шагу, вон вчера не было сил из канавы вылезти, где поледнее время живу, наслаждаясь кваканьем лягушек и звяканьем пустых бутылок хмеля, которыми в них кидаюсь, когда особенно надоедают, начинают учить меня жить и спать не дают.

Психиатр обратил внимание на внезапно появившийся странный звук. Было такое ощущение, что дверь с той стороны сильно царапали чем-то острым. Потом она медленно, но со страшным скрипом отворилась, и на пороге показался Барин, который до пояса был псом, а выше – немного запачканным, покрытым грязновато-желтоватыми осенними листьями и коричневым

мхом получеловеком, полуобезьяной, полу-непонятно-чем. Барин на руках и лапах поскакал по кабинету, а потом, несколько раз обежав вокруг зашлепанного стула психиатра, залез под стол, немного полаял, пару раз чихнул, поскулил и снова вскочил. Затем опять немного побегал и наконец пристроился в углу, сев на собственный хвост. Облизнувшись, он положил голову на пол и затих. Барин-пес посмотрел на психиатра очень грустными, красновато-оранжеватыми, квадратно-выпуклыми глазами и произнес немного охрипшим голосом:

– Ну что, доктор Зак, видите, что, по сути, в принципе и по существу представляет из себя сука Народ? И как бы вы ни старались, какие бы пилюли ему в пасть, падле, не сували, однако суть его останется с ним, по существу, на всех уровнях и планах его сегодняшнего грязно-канавного бытия, которым он, в принципе, мразь, вполне доволен. Народ, по сути своей поганой, есть падаль, на которую ни один самый голодный мерзкий шакал не посмотрит. Народ не способен воспринять и полюбить другой способ существования.

– Я не со всем согласна, – Марита на мгновение перестала плакать и дрожать всем телом

от горя и отчаяния, – я все таки думаю, что доктор Зак сможет в конце концов подобрать для Народа какое-нибудь эффективное средство, и жизнь в поместье наладиться. Я верю. Я, наверное, оптимист, я женщина, вроде бы, сильная, я так думаю... Вроде бы... должна... смогу... сумею... суки! Устала! Я, наверное, вернусь скоро на свою планету.

– И я верю... – все едва слышали очень тихий голос Писателя – голос был неуверенным и каким-то странно дрожащим, – однако мой талант не безграничен, и я сейчас не в состоянии сделать в своем произведении никаких существенных изменений, поправок. Меня покинуло вдохновение и мне, поверьте, тяжело сконцентрироваться и начать продуктивно работать, шлифуя характеры, обстоятельства ваших жизней и различные сценки.

Писатель как-то странно дрожал, выкручивался, сгибался, выгибался и приплясывал.

– Извините, – продолжил Писатель, – вот... опять... пытаюсь завязать... не получается сразу... но я обязательно... не сомневайтесь... И как только... сразу всеми вами займусь... Обещаю.

– Товарищ Писатель, – вдруг раздался твердый, уверенный, низкий голос Вождя, который

внезапно спрыгнул откуда-то сверху и тут же стал медленно раскуривать трубку, шагая взад и вперед. Затем Вождь остановился и очень долго молчал, внимательно, пристально, с большим подозрением рассматривая всех собравшихся в офисе психопациентов.

– Так вот, – наконец, произнес Вождь, – товарищ Писатель недостойн быть не только Писателем, но и товарищем, что более прискорбно. Кому нужны Писатели, кроме паршивой, дерьмовой, продавшейся врагам Востроносам, шшивой, вечно ненадежной, ноющей, вечно недовольной, обиженной продажной проститутки интеллигенции? Никому! Писатель стал отвратительным, почти полностью сгнившим полукартофельным отбросом, элементом, мешающим нам быстро и бодро продвигаться по пути, завещанном главным товарищем, сейчас заслуженно, с почестями отдыхающим от ответственности в надежном пуленепробиваемом стеклянном ящике на площади, которую я покрасил кровью врагов.

Вождь подошел к Барину и затем очень долго и сосредоточенно стучал по его полысевшей от переживаний, выпукло-вогнутой, трубчато-игольчатой полуголове курительной трубкой,

как бы пытаюсь понять, а что там, у Барина, внутри черепа, кроме маленькой, склерозированной, дебильной, самовлюбленной, примитивной, жлобской нервной клетки. Судя по выражению морды лица Барина, последнему даже нравилось ритмичное постукивание, и он от удовольствия поскуливал и полизывал жесткую и властную кисть Вождя. Тот походил еще полчаса по полу, потолку, стенам, повисел вниз головой, затем спустился, снова раскурил трубку, задымил и опять заговорил:

– Бывший Барин, сейчас полуБарин-полупес и все собравшиеся в этом кабинете психбольные, как мне видится, полагают тщетные и неоправданные надежды на товарища Зака в отношении лечения своих хронически безнадежно больных полумозгов. Это, я глубоко убежден, очень неправильная и ошибочная позиция, принципиально ложная, поскольку он, по всей видимости, неопытный психиатр, и не смог подобрать правильные для всех нас лекарства или дозы или и то, и другое. Писатель глубоко ошибался, называя его гениальным психиатром. Я считаю, что он недоучился и нуждается в курсах повышения психиатрической квалификации.

Вождь несколько часов внимательно разглядывал лицо психиатра, дымя последнему прямо в глаза. Зак плакал от дыма, но боялся двинуть головой, потому как был знаком с непредсказуемым импульсивным нравом Вождя.

– Доктор, – продолжил Вождь, – совершенно определенно выглядит неуверенным, шатким, растерянным, нестойким и непринципиальным.

– Может, ему еще молочка маменькиного пососать? – в офисе внезапно появилась Пантера, одетая сейчас в легкую курточку. Она стояла на задних лапах, в одной руке держала раскрытый зонтик, на котором сидела большая интеллигентная жаба с умным, цепким и практичным взглядом, а в другой – большой психиатрический справочник всех времен и народов.

– В молочке, –добавила Пантера, – много полезных для думания мамочкиных витаминов и, вполне возможно, у доктора включатся немного подсохшие ленивые мозги.

– Может, действительно, тебе снова молочка пососать, Зак? – неуверенно, почему-то шепотом спросила бледная от горя и осознания своего бессилия Марита.

– Конечно, пусть сосет! Соси, доктор! – прохрипел Народ, продолжая выплевывать в разные

стороны всякие металлические гайки, сломанные пуговицы, куски рваных красных знамен, осколки вражеских снарядов, ржавые пули, солдатские дырявые каски, разбитые бутылки навозного хмеля, прошлогодние использованные презервативы и многочисленные разноцветные фантики.

Барин внезапно залаял, а потом протяжно завыл.

– Не надо выть, пес Барин, – медленно, с чувством, произнес Вождь, – не надо показывать всем товарищам, что вы можете быть Волком, решительным, храбрым, принципиальным и беспощадным хищником. Это в корне неправильно. Вы – простой, уличный, обыкновенный, испуганный пес, неуверенный в себе, жалкий, грязноватый, слабый и непринципальный во всех остро наметившихся, актуально стоящих перед всеми нами, товарищами, вопросах. Поэтому закройте свою беззубую вонючую пасть и тихонько скулите, но не здесь, а в специально отведенных для этого местах в нашем поместье, которое станет в скором времени бесконечным и вберет в себя территории миров.

Товарищ Вождь пару часов молчал, раскуривая новую трубку, а затем неторопливо продолжил:

– Я считаю предложение Пантеры глупым и ненаучным. Что бы товарищ доктор Зак не сосал, подсасывал или лизал своим пожелтевшим от ненужных и бесплодных разговоров языком, это не увеличит его психиатрический ума, а только придаст больше ненужного весу и испортит вконец и так его слабое чахоточное здоровье вшивого, непринципиального и не вполне решительного интеллигентика.

В офисе воцарилось долгое молчание, во время которого Вождь неподвижно стоял возле окна и с большим интересом, не мигая, рассматривал истерически смеющихся Востроносов.

– Вот, – наконец произнес Вождь и показал дымящейся трубкой на сидящих на деревьях существ, – скажите, мне, товарищи Писатели, Псы и Пантеры, почему у них всегда все хорошо и, видимо, есть повод смеяться, а у нас все плохо и мы всегда плачем?

Вождь начал снова ходить взад и вперед, погружившись в размышления.

Несколько дней подряд все лихорадочно пытались найти ответ на вопрос, но не могли. Вопрос был задан по существу, принципиально, по сути.

– Я думаю... – снова начал Вождь, выйдя в очередной раз из туалета, застегивая ширинку, из которой постоянно вываливалось немолодое, но уверенное в себе товарищеское хозяйство. – Я считаю... – он снова остановился и где-то час пытался разжечь неподдающуюся вечному огню трубку, – что всем ответственным товарищам, Писателям, Пантерам и Псам, необходимо обратить внимание на тот факт, что смеяться, в принципе, хорошо, а плакать, по сути своей, плохо.

Он помолчал несколько дней, давая возможность собравшимся осознать всю глубину сказанной им гениальной мысли.

– Я думаю, – продолжил он, – что будет правильным и целесообразным решением послать товарища психоврача Зака на курсы повышения психознаний к Востроносам. Мое решение окончательное.

Вождь подошел к окну, стукнул по нему трубкой, высунул наружу кирзовый сапог, который тут же засверкал на солнце, и спокойно, с расстановкой, очень медленно произнес, взвешивая каждое слово:

– Господа Востроносы, мне кажется целесообразным, глубоко и тщательно продуманным

мною решением в сложившейся у нас в поместье сложной ненормальной психически болезненной внутренней обстановке послать к вам доктора Зака на повышение психиатрической квалификации.

Востроносы возбужденно захлопали крыльями и даже на мгновение перестали по-идиотски смеяться.

– Я всегда считал и считаю вас кровными и непримиримыми личными врагами и врагами поместья, – продолжил Вождь, – и вы меня, в свою очередь, безусловно, тоже ненавидите. Однако в недалеком прошлом мы были почти братьями, сестрами, товарищами, добившими совместными усилиями проклятого истеричного, усатого Путлера, мешавшего нам уверенно идти твердым непримиримым шагом вперед из светлого прошлого в еще более освещенное настоящее, а затем и в еще более ослепительно яркое будущее. Помня это, я уверен, что вы мне не откажете в просьбе и сделаете все возможное, чтобы научить доктора последним достижениям вашей Востроносной науки, которая, как мне кажется, к моему глубокому сожалению и горю, на несколько тысячелетий опережает нашу местную... не знаю, как поточнее выразиться,

но вы меня понимаете... Я рад, что между нами в прошлом возникало периодическое понимание, отчасти по сути, а отчасти и по существу, и искренне надеюсь, что оно возникнет и сейчас.

– Доктор Зак, – Вождь очень медленно повернул голову к притихшему от волнения и растерянности психиатру, – постарайтесь не разочаровывать меня своей медлительностью и сделайте все возможное, чтобы в течение нескольких минут покинуть этот кабинет через окно, не забыв захватить с собой свою уже не такую кучерявую и свежую, а вполне полысевшую, полусклерозированную голову, которую господу Востроносы будут наполнять жизненно значимым для нашего поместья психосодержимым. И еще... – Вождь немного помолчал, уставившись на бабочку, сидящую на кактусе, таким твердым и тяжелым взглядом, что она мгновенно расплющилась и, сделав несколько плавных кругов в воздухе, опустилась на голову Пантере. Та ловко стряхнула ее себе в рот и с наслаждением проглотила.

– Врага, доктор, товарищ Зак, – продолжил Вождь – надо знать изнутри, нужно его тщательно изучить, стать им, проникнуть ему

в психику, в каждую вражескую клеточку его мозга, увидеть мир его глазами, и тогда его можно победить и раздавить. как подлую ядовитую, недружелюбную нам гадюку. Вам понятно? Хочу верить и надеяться, что безусловно, да.

Сказав это, Вождь нацелил пристальный цепкий взгляд на Мариту, прищурился и процедил сквозь желтые крепкие товарищеские клыки:

– Вы, – строго произнес Вождь, – как руководитель обязаны использовать свой авторитет для воздействия на расшатанную психику психиатра, активно побуждая его к действию на благо поместья.

– Зак, я тебя умоляю..! – отчаянно вскричала Марита и снова тихонько заплакала, вытирая слезки и сопельки воротничком своей рубашки.

– Гав-гав! – ласково, заискивающе залаял на полу Барин, подбежал к психиатру, завилял хвостом и стал яростно катать носом по полу яблочный огрызок с прилипшими к нему испуганными нервными муравьями.

Народ сполз с кресла, попытался встать на нечто, похожее на ноги, однако свалился и быстро покатился в сторону Вождя, который тут

же, как кузнечик, легко вспрыгнул на стол, боясь испачкать о пакостный Народ свои стерильные сапоги.

Доктор Зак тяжело вздохнул и, зажмурившись, пошел по направлению к окну, повинувшись приказу Вождя и искреннему желанию что-то глобально, по сути, по существу изменить в своих психозастойных буднях – помойных бочках, наполненных напрасными ожиданиями и сомнениями по поводу и без него.

Народ попытался зацепить ногу доктора любимой мазохистской металлической плетью, чтобы пожаловаться последнему на проклятых, тупых, агрессивных выродков, идиотов Востроносов, продолжающих портить ему, Народу, райскую жизнь и превративших любимого, обожаемого им Барина в пса, однако психиатр был уже на другой стороне.

Вождь уверенно наступил твердой ногой на плеть Народа, нагнулся и начал сосредоточенно постукивать курительной трубкой по его темечку, вытряхивая товарищеский пепел на глупые, растопыренные, покрасневшие от хмеля уши.

– Я тебе говорил, Народ, – поучительно произнес Вождь, – кто ты, в принципе, по сути и существу вопроса? Почему не вдумываешься

в мои гениальные слова и проявляешь излишнюю инициативу там, где она не требуется собратьям по борьбе? Зачем испытываешь мое терпение, а также терпение всех находящихся здесь тяжело психически больных товарищей?

Вождь закончил вытряхивать трубку и исчез, медленно растворившись в воздухе. Вслед за ним постепенно исчезли все пациенты и кабинет погрузился во мрак, нарушаемый лишь отчаянным шуршанием измученной жутким запахом мухи, пытающейся все-таки отбить огрызок яблока от армии разъяренных рыжих муравьев.

Тем временем доктор Зак благополучно прилетел в страну Востроносов.

СТРАНА ВОСТРОНОСОВ

Зак открыл свои проницательно-философские, навывкате глаза и обнаружил свою персону в зале аэропорта. К его безгранично безумному удивлению, он увидел, что был окружен не Востроносами, а вполне даже людьми. Они внимательно, с неподдельным интересом рассматривали психиатра и странно, загадочно и очень даже неприлично, по мнению доктора, улыбались.

– А где я? А кто вы? – удивился психиатр. – Я думал, что направляюсь к Востроносам.

Все засмеялись.

– Доктор, – сказал некто кучерявый необычайно ласковым голосом и очень даже подозрительно любезно, – давайте мы вам поможем добраться до гостиницы, где и побеседуем.

Через мгновения доктор Зак плавал в очень удобном кресле в гостиничном номере. Напротив него, также в креслах, расположились несколько человек. Все они имели совершенно непонятно почему довольный и самоуверенный вид. Они улыбались, глядя на психиатра. Доктор не понимал, почему они над ним смеются, начал волноваться и сильно злиться.

– Приветствуем Вас здесь! – радостно воскликнул человек с длинным крючковатым носом, на кончике которого, кроме сопли, висели громадного размера вогнуто-выпуклые очки. Доктор Зак попытался рассмотреть себя в них, чтобы понять, над чем они смеются, глядя на него. Однако тот постоянно крутил головой в разные стороны, и доктор никак не мог сфокусировать свой всегда задумчивый, полный вековой грусти взгляд.

– Я Кик, – сказал один из них, – начальник госпиталя, где вы будете проходить практику. Очень приятно.

– Я Пик, – сказал второй, постоянно, как корова что-то жующий, с очень длинными ногами. Его квадратные ботинки покоились на столе, рядом с большой вазой с фруктами, – психиатр на отделении, где вы будете работать. Приятно познакомиться.

– А я Мик – сказал еще один, с золотыми цепочками, свешивающимися вниз до пола со всех членов и сочленений худого, замученного диетами и витаминами тела, – психолог. Я буду с вами работать, чтобы вы смогли как можно быстрее и эффективнее приспособиться к нашей системе, в которой есть свои нюансы, с которыми вы, по всей видимости, не совсем знакомы.

– Ааа... – протянул Зак – а где Востроносы..?

Все стали очень громко смеяться. Ботинки Пика вздрогнули и прыгнули прямо на фрукты в вазе. У Кика слетели очки, упали на пол и покатались по направлению к доктору Заку с явной целью дать последнему возможность рассмотреть себя и понять, почему над ним смеются.

– Вы знаете, – наконец, после получаса истерического смеха, с трудом, держась за живот, произнес психолог Мик, – это вам внушили, что мы Востроносы. А на самом деле мы обыкновенные люди.

– Как? ! – изумленно прошептал доктор Зак, – но я сам вас видел через окно – жуткие такие, лохматые, кошмарные, уродливые, убогие, дебилы, идиотские существа, сидящие на деревьях. Я видел у вас на когтях кровь невинно убиенных бесчисленных жертв на всей планете Земля и за ее пределами. Вы все были с длинными горбатыми клювами, кучерявые, агрессивные, с хищными взглядами, полные дебилы, идиоты и маразматики.

– Это вам все внушили, доктор, а вы поверили, – произнес Мик, – вы же знаете, что если самого раннего детства говорить ребенку что белое – это черное, то позже он реально будет видеть черное там, где все белое. Как только вы покинули поместье, внушение потеряло над вами власть, и теперь вы видите, что мы такие же, как и вы.

Доктор Зак внимательно и долго рассматривал людей, сидящих перед ним, пытаясь понять, что же кардинально, по сути, отличает их

от тех, с кем он жил и кого безуспешно лечил в поместье.

– В общем, – произнес Кик, – уже поздно, отдыхайте, завтра пришем за вами машину и начнем работать.

Они вежливо попрощались с доктором и вышли.

Зак еще немного побродил, подумал, порадовался, погрустил, затем улыбнулся, прослезился, посмеялся и заплакал. Не спалось. Он спустился вниз, подкатил к девушке, оформляющей туристов, прибывающих в гостиницу, и встал, как вкопанный, забыв, что хотел сделать.

Девушка улыбнулась психиатру.

– Ну конечно, – вспомнил доктор и пулей влетел в туалет. Он долго стоял перед зеркалом, осматривая себя с ног до головы, пытаясь понять причину улыбок и смеха. Наконец, через пару часов он нашел у себя на левой щеке малюсенький кусочек прилипшей к ней засохшей сопли и, поняв в чем дело, успокоился.

– Сволочи, – думал он, поднимаясь на лифте на свой этаж, – суки, ну разве нельзя было сразу мне сказать? ! Это же издевательство какое-то. Востроносы вшивые.

Доктор Зак плелся по коридору и чувствовал себя глубоко неудовлетворенным прошедшим днем. По сути, день его так огорчил, что доктор был готов заплакать. К огорчению присоединилось чувство беспредельного гнева и ярости. Психиатр так перевозбудился, что выбежал из отеля на улицу и стал громко ругаться на полную луну. Луна не реагировала. Он внезапно осознал, что ему, для равновесия и приведения в норму своей хрупкой психики, была срочно необходима обыкновенная поместная разрядка. Нужно было сделать что-то очень родное и привычное, то, что он, Народ, интеллигенция, да и все остальные жители делали каждый день по многу раз на дню. Доктор Зак смачно, прицельно, с удовольствием плюнул в проходящую мимо хорошо одетую женщину, но это не принесло желаемого результата. Тогда он прокричал женщине вслед все многоэтажные ругательства, которые только существуют в поместье, но это тоже не сильно помогло. Доктор Зак внезапно подумал о том, что всегда считал себя глубоко культурным поместным существом. Сейчас у него по этому поводу в глубине души зародилось сомнение, которое он мгновенно отбросил, пытаясь не разочаровываться в себе самом. Зак

уверенно подошел к идущему ему навстречу незнакомому человеку с собачкой и очень сильно толкнул того в грудь своим плечом. Человек пошатнулся и свалился на траву. Собачка стала истерически лаять, и доктор с удовольствием пнул ее ногой, чтобы та заткнулась.

– Ах ты, сволочь!!! Проклятый Востронос! Не мешай Барину работать на наше благо! – крикнул доктор Зак лежащему, с удивлением и страхом в глазах смотрящему на него человеку. – Проваливай отсюда! Толкаются тут всякие! Мешают нам и Барину жить!

Психиатр моментально почувствовал себя радостным, довольным и даже счастливым, в целом и по существу, жизнью. Он четко понял, осознал, чего ему так сильно недоставало в стране Востроносов. Доктор Зак успокоился и уже через мгновение скакал по направлению к своему номеру, насвистывая песенку. Он мечтал завалиться спать и завтра с новыми силами приняться за изучение востроносовской психиатрической фармакологической премудрости.

– Да я сейчас полицию вызову!!! – кричал человек, лежащий на траве.

– Да вы понимаете... – к лежащему подошел полицейский, нагнулся и прошептал: –

Этот, который вас ударил, из Поместья только что приехал... лучше с ними не связываться... Скажите спасибо, что в живых вас оставил... Вам крупно повезло... Благодарите судьбу... Вы верующий? Если да, молитесь. Если нет, тоже молитесь.

– Ааа... – протянул тот, – понятно...

Человек встал, отряхнулся от грязи и потянул за поводок, на конце которого лежала скулящая от боли собачонка, непривыкшая еще к поместной ласке.

Доктор Зак, выспавшийся и довольный, в целом, жизнью, появился на следующий день в психиатрическом госпитале. Его встретил Мик и проводил в свой кабинет.

– Присаживайтесь, – предложил он.

Доктор плюхнулся в кресло. Мик сел напротив него, бросил свои ноги на толстый сэндвич на столе и улыбнулся, показав широкий ряд белоснежных, совсем не человеческих, по мнению доктора Зака, зубов.

– Эй, какого хрена вы все надо мной смееетесь? – резко и недовольно бросил Зак с присутствующей ему откровенностью, прямоотой и бестактностью. – Давайте я буду везде ходить и над вами ржать. Не хотите?

– Вы понимаете, доктор, – начал Мик, – это то, о чем я, в принципе, хотел с вами поговорить. У нас принято всегда и везде друг другу улыбаться. Это нормально. Это является приветствием и ни чем иным.

Доктор Зак надолго задумался, пытаясь вникнуть в суть только что сказанного и понять его глубинный, скрытый для нормального человека, смысл.

– Знаете, – наконец ответил доктор Зак, – а что, наверное в этом есть что-то, но мне это настолько чуждо, непонятно, противоестественно, непривычно и даже противно и отвратительно, что потребуется много времени, чтобы осознать, привыкнуть и оценить полезность этой, так сказать, очень странной востроносной традиции.

– Я понимаю, доктор, – ответил Мик, – у нас много времени и много различных традиций, с которыми вы будете знакомиться в процессе общения с нашими пациентами.

– Кофе, – дверь открылась, и в кабинет грациозно, медленно вплыла очаровательная длинноногая блондинка Востроноска в короткой юбочке и с подносыком в руках. Доктор Зак намертво вцепился острейшим

психоаналитическим взглядом в ее небольшую, незатейливо виляющую во все стороны, попку. Девушка нагнулась, и попка оказалась совсем рядом с задумчивым, озадаченно-озабоченным лицом доктора Зака, который приложил невероятные, нечеловеческие сверхгероические усилия, чтобы эту попку не схватить.

Девушка медленно выплыла из кабинета. Мик кашлянул и произнес:

– Доктор Зак, видите ли, как бы вам это сказать... У нас не принято так пристально смотреть на женщин, в частности, на их... ну это... зад, в особенности на работе.

– А куда же вы на работе смотрите? – с большим, неподдельным и очень искренним удивлением поинтересовался психиатр.

– Ну вы знаете... – Мик надолго задумался, – пытаюсь как можно доступнее объяснить психиатру суть очередной традиции.

– Мы стараемся пристально на женщин не смотреть... – начал объяснять Мик.

– Вы смотрите на мужчин? Понял, – прервал его доктор Зак.

– Нет, на мужчин мы тоже стараемся не смотреть.

– Так у вас здесь психмонастырь! – доктор Зак впервые с момента приезда в страну Востроносов широко улыбнулся, показав ряд желто-коричневых, кривых, редких, поломанных, обструганно-обрезанных временем полужубов, полушурпов и ржавых полугвоздей.

Мик увидел зубы доктора Зака и, сильно пошатнувшись в кресле, выронил из рук пластиночку жевательной резинки, которую собирался развернуть.

– Вы понимаете, – еле дыша, продолжил Мик, с большим трудом приняв почти вертикальное положение, – у нас не совсем монастырь, но на работе мы работаем, как бы вам это лучше объяснить... а вне работы мы пытаемся отдохнуть, всегда думая о работе. Понимаете, если женщина обидится и напишет рапорт начальству, что вы, например, пристально смотрели на ее попку, то вас могут в лучшем случае уволить. Также могут лишить лицензии практиковать как врач. Причем ни один суд вас не оправдает. У нас суд всегда и без исключения на стороне женщин. Так сказать, по сути, глобальная, повсеместная, глубоко психопатическая эмансипация, не поддающаяся самой современной медикаментозной терапии.

– Видишь, Зак, – психиатр внезапно услышал в своей продолговатой голове твердый, принципиальный голос Вождя всех миров, – а ты считал, что я слишком жесток. Да я просто котенок, маленький, глупый и беззащитный, по сравнению с пещерными варварами Востроносами. Поэтому ты, Зак, изучи этих уродов внимательно, чтобы нам было легче, в недалеком будущем, их победить, стереть в радиоактивный порошок и установить законы поместья на всей планете и далеко за ее пределами. Тогда ты, товарищ психоврач Зак, сможешь сколько угодно смотреть, и не только смотреть, на любые попки и не опасаться, что тебя посадят в тюрьму.

– Да я ему любые попки тогда достану, – психиатр услышал хихиканье Пантеры, – любой формы, цвета и вкуса... хи-хи-хи...

– Доктор? – Мик заметил, что у психиатра был очень даже отсутствующий вид.

– Да? – доктор Зак с трудом отвлек свое пристальное внимание от многообещающих голосов, рассказывающих ему про попки, и переключился на Мика.

– Я говорил, – продолжил Мик, – что лучше пристально не рассматривать женщин и мужчин на работе, а сразу приступить к выполнению своих

непосредственных обязанностей. А сейчас я вас проведу по госпиталю и расскажу в общих чертах о том, как он спланирован, а также отведу на отделение, где вы будете работать под руководством доктора Пика. Пойдемте.

Доктор Зак последовал за Миком, и вскоре они уже шагали по очень просторным, чистым, блестящим коридорам госпиталя. Навстречу шли на вид вполне довольные жизнью, улыбающиеся мужчины и женщины, многие из которых были одеты в белые халаты.

– Никогда не видел сразу столько довольных людей, – с изумлением подумал доктор Зак, – может, они все идут на прием к психиатру, чтобы разобраться, чем и почему они довольны?

– А кто лечится в этом госпитале? – поинтересовался доктор Зак. – Ваш Барин, его слуги и олигархи... я имею в виду ваши местные воры в законе?

– Это обыкновенный госпиталь, – ответил Мик, – здесь лечится наш Народ.

– Неужели? – искренне удивился психиатр, – Но мы уже прошли по многим коридорам, а я еще не видел Народ, лежащий на рваном, записанном и закаканном матрасе на разбитом полу. Где он?

– Доктор Зак, – почему-то опять улыбнулся Мик, – у нас Народ лечится в отделении, а живет в палате. И спит на кровати.

– Надо же! – воскликнул психиатр. – У нас тоже есть некоторые, но не Народ, другие, которые очень редко лежат на сломанных кроватях. Это мелкие воры, которым очень повезло с лишними деньгами. Но чтобы все, да на кроватях... такого еще никогда в жизни в нашем поместье не видел. Очень интересно... А почему у вашего персонала вид такой довольный?

– А какой у них должен быть вид? – не совсем понял вопрос Мик, еле поспевающий за быстро шагающим в неизвестную жизнь удивленно изумленным психиатром.

– Ну, нормальный, обычный, человеческий вид... – попытался объяснить доктор Зак. Он некоторое время подыскивал нужные слова, чтобы разъяснить суть Мику, не знакомому с различными аспектами и нюансами жизни в поместье.

– А что значит обычный вид? – пытался понять Мик.

– Злой, – начал объяснять психиатр, – усталый, сердитый, агрессивный, ненавидящий, презирающий, готовый начать драться,

разорвать, разодрать, распилить, растоптать, застрелить и стереть в радиоактивную пыль.

– Понятно... – Мик посмотрел на солнце за окном и чихнул, – нет, у нас такой вид у людей обычно только в тюрьмах, да и то далеко не у всех.

– Интересно, – протянул доктор Зак, – необычно все как-то, непонятно, но занятно. Даже верится с трудом.

Навстречу шла женщина в белом халате, легко везущая перед собой нечто, похожее на импортный комбайн для уборки пшеницы.

– Это компьютер, – объяснил, опять с улыбкой, Мик, заметив недоуменный взгляд психиатра, – в нем все данные о больных.

– Надо же, – доктор Зак долго шел спиной вперед, все еще рассматривая необычный компьютер-комбайн, – а в нашей больнице есть только пожелтевшая от времени бумага, которую мы всегда используем как туалетную. Мы на ней назначения пока еще живым больным пишем, да лаборатория есть, где моча с калом хранится месяцами, так как убирать некому.

– Вот мы и пришли, – наконец сказал Мик и, просунув какую-то карточку в щель, открыл дверь отделения.

На пороге уже ждал их психиатр, доктор Пик.

– Передаю вам нашего бесценного коллегу, – сказал Мик и исчез.

– Пройдемте, – предложил Пик, – я вас познакомлю с отделением и с персоналом.

Доктор Зак последовал за Пиком.

– Очень приятно, очень приятно, очень приятно, – повторял сквозь оставшиеся редкие зубы Зак, прикладывая невероятные, героические усилия для того, чтобы хотя бы слегка улыбнуться людям в ответ на их широкие ослепительные улыбки. Перед глазами доктора мелькали бесчисленные попки и он, помня наставление Мика, постоянно тупил взгляд, пока, наконец, не ударился, со всей силы, длинным носом о колонну в середине отделения, подпирающую потолок. Удар пришелся прямо в большую горбинку. Из носа хлынула кровь, доктора втащили в процедурный кабинет, посадили на стул, где он закинул голову вверх и долго смотрел на потолок. Психиатр с очень большим удивлением обратил внимание на то, что на потолке не было ни одного грязного пятна, ни одной прилипшей мухи или паука с его паутиной, а также следов от множественных

плевков... Это было настолько странно видеть, что у доктора от изумления остановилось носовое кровотечение. Он встал, вышел и продолжил знакомство с отделением.

Рядом с ним прошла женщина с коляской, на которой лежали подносы с едой. Доктор взглянул на еду, открыл от изумления рот, вошел в ментальный ступор, а потом почему-то шепотом спросил доктора Пика:

– А у вас в отделении лечатся только очень богатые?

– Нет, – удивился вопросу Пик, – а почему вы спрашиваете?

– Еда... Такая хорошая еда... – он попытался объяснить непонятливому доктору Пику простую, элементарную и понятную даже мелким домашним животным в поместье вечную истину.

– Обыкновенная еда, – Пик взглянул на подносы, – а у вас больным дают что-то другое?

Доктор Зак вспомнил, что дают в его больнице больным на обед, и почувствовал, что его сейчас стошнит. Он попросил извинения, поинтересовался, где туалет, закрыл рот рукой и быстро побежал в указанном направлении.

– Слишком много впечатлений на сегодня, – бросил доктор Зак своему изображению в зеркале, вымыл лицо, прополоскал рот, намочил оставшиеся реденькие волосики на психоголове и уже был готов уйти, как увидел в зеркале Мариту.

– Я скучаю по тебе, доктор Зак, – произнесла она каким-то очень жалким голосом.

– У тебя есть Писатель. И поместье. Мне некогда. У меня интенсивная учеба, – с обидой и раздражением буркнул он в зеркало и уверенной походкой вышел из туалета.

Доктор Зак провел целый день в госпитале, изучая документацию, новейшие лекарства, компьютер-комбайн, а вечером был приглашен в гости к доктору Пику.

Пик жил один, с собакой, в громадном доме. Доктор Зак ходил по шикарному дому и восторгался.

– У вас есть дом? – поинтересовался Пик, не понимая существа столь безумно сильного восторга психиатра Зака.

– Я живу с мамой в маленькой двухкомнатной квартирке, – ответил Зак, – если б не мамина пенсия, то я, наверное, должен был бы работать все ночи напролет, чтобы сводить концы с концами.

– Я слышал, – заметил доктор Пик, – что у вас в поместье у докторов маленькие зарплаты.

– Это не зарплаты, – объяснил доктор Зак, – это вроде как пособие, своего рода подачка, чтоб ты не помер быстро и сразу от голода, а подыхал медленно, покупая в дешевых магазинах специально отравленное дерьмо, на которое не сядет ни одна желающая еще чуть-чуть пожить сраная раздолбленная муха. Все так рассчитано, чтобы доктора сдохли именно тогда, когда они уже по возрасту и по отсутствию сил просто больше не нужны. Да и не только доктора, а и Народ в особенности.

– Ой! – воскликнул Пик, наливая себе и Заку коньяк в бокалы. – Как же вы живете там?

– Приспособились, – объяснил доктор Зак, удобно раскинувшись в кресле, – мутировали в агрессивных существ, которые могут с легкостью переваривать асфальт и резину, а также дышать сероводородом и угарным газом без особого вреда для здоровья.

– Вау! – воскликнул доктор Пик. – А расскажите мне, как вы лечите Народ вашими допотопными лекарствами?

– Понятия не имею, – объяснил Зак, – от большинства лекарств, созданных в поместье, у Народа начинается полное глобальное тотальное отупение, намного более сильное, чем при самом запущенном старческом склерозе. Конечно, есть неплохие средства, но они недоступны Народу, ими пользуются в основном воры в законе, то есть управляющие поместьем и их друзья. Так что все, на что Народ в своей жалкой грязной жизни ментально способен, так это яростно ненавидеть Востроносов и преданно любить Барина. Я убежден, что Барин и его слуги специально изготавливали такие лекарства, чтобы отупевший, очумевший, обалдевший, озверевший Народ не мешал им развлекаться в своих бриллиантовых деревнях на бескрайних просторах поместья.

– Надо же, какая жестокость по отношению к Народу, – заметил доктор Пик, – но у нас тоже жестокая страна... Вы знаете, приходится ездить в специальные магазины, чтобы покупать натуральную пищу, а это занимает много времени. У нас тоже много проблем. Три четверти населения – полные бездельники, дебилы, идиоты и лентяи, которые не хотят работать и желают жить за счет государства. А где государство

берет средства? Оно вынимает их из нашего кармана, это налоги, которые мы платим. Это те деньги, на которые все эти бездельники, наркоманы и бандиты очень даже неплохо живут. И денег у них на все хватает, поверьте мне, – доктор Пик нервно отхлебнул коньяку...

– А вы женаты? – поинтересовался он, переменяв внезапно тему с глобально-кризисно-экономической на интимно-сексуальную.

– Нет, – грустно усмехнулся доктор Зак, – во первых, я себя-то финансово с трудом вытягиваю, во вторых, сейчас невозможно найти нормальную женщину, они все в поместье под влиянием физических и психологических факторов мутировали в мужчин, по крайней мере, внутренне, пока больше психологически. Например, в моей бывшей подруге проснулся мужчина, и она решила, что сможет управлять всем поместьем. Она не понимает, что может руководить только Барин, который, по сути своей, пес. Во главе нашего поместья должен всегда стоять пес – лучше всего Волкодав или даже настоящий волчище, ну уж не болонка так точно...

Доктор Зак немного помолчал, покашлял, с большим трудом собирая остатки мыслей, отхлебнул коньячку, а потом продолжил:

– И, вы знаете, все в поместье хотят, чтобы я их вылечил. Им нужно, чтобы я напихал в их рты волшебных психотаблеток и они в один миг стали бы счастливыми, успешными, богатыми, сильными, умными и известными. Все считают, что я Психо-Бог, и, честно говоря, мне это уже довольно сильно поднадоело. Я обыкновенный, нищий раб, врач, и кроме своей усталой, носатой, тревожно-задумчивой головы и гигантской сверхмозоли на задку у меня нет ничего, кроме сломанной клизмы, чтобы их лечить. Вот, они меня сюда послали, на курсы психиатрического усовершенствования, чтоб я ума набрался.

Доктор Пик слушал доктора Зака, пребывая в глубокой задумчивости и периодически отхлебывал коньяк из бокала.

– Вы правы в отношении женщин, они стали злее, грубее, нахальнее, смелее, наглее... – доктор Пик тяжело вздохнул. – У меня была жена, которой я однажды надоел, и она вызвала полицию, сказав, что я ее избил. Жена попросила свою подругу ударить ей в лицо, чтобы были видны синяки и ссадины. Полиция приехала, увидела ее синяки, а подруга подтвердила, что видела, как я ее бил, и меня посадили в камеру предварительного заключения, где я просидел

около года. Я истратил все свои накопления, чтобы вырваться оттуда. Когда я вышел, то еще долго не работал, потому что меня лишили лицензии. Не было денег, доходило до того, что я спал в парке на скамейках... Вот такая сука... – доктор Пик прослезился. – В нашей стране мужчины – несчастное жалкое морально уничтоженное стадо, превратившееся в послушных, забитых законом овец, которые боятся даже бляеть и скоро начнут рожать и кормить грудью. Я абсолютно в этом уверен.

– Это круто! – заметил доктор Зак. – У нас еще пока такого нет, но скоро будет, я убежден. Если во главе поместья находится женщина, то жди беды, все будет эмансипировано, мужское население поголовно кастрировано и послано на кухни чистить картошку и стирать пеленки.

– Так у вас нет сейчас подружки? – искренне поинтересовался Пик.

– Нет, – с глубочайшей скорбью в дрожащем от тоски голосе ответил Зак и прослезился.

– Хотите познакомлю? – предложил доктор Пик, – у моей подружки есть приятельница. Очень даже симпатичная.

– А на нее можно пристально смотреть? – искренне поинтересовался доктор Зак.

– Конечно, – успокоил взволнованного психиатра его коллега, – и даже можно дотрагиваться, но не до попки, по крайней мере, не сразу, не с первого раза, а то полиция, тюрьма и прочие прелести.

Доктор Зак надолго задумался.

– Не, лучше не надо, – наконец ответил он и, выдохнув, залпом допил коньяк из бокала, – я человек из поместья, привык говорить прямо, в лоб и в другие различные разнообразные интимные места. Скажу что не то, поймет не так, дотронусь не там, где нужно... вызовет полицию... Без ваших женщин обойдусь...

Доктор Зак возвращался поздно вечером к себе в гостиницу, как вдруг на него внезапно налетели несколько человек, свалили на землю и стали бить куда попало руками и ногами.

– Ах ты, сука поместная! – услышал доктор голос человека, которого он ранее ударил локтем в грудь. – Я тебе покажу, как у нас руки распускать. Жлобина ты пещерная! Медвежатина пьяная, недостреленная! Выродок Барина!

Доктор Зак был близок к потере сознания, как вдруг услышал выстрелы. Нападавшие на него люди падали вниз как подкошенные. Некоторые

лежали на траве, корчась от боли, остальные вообще уже не двигались.

Зак вскочил на ноги, вбежал в гостиницу и прыгнул в лифт.

– Ты должен научиться драться, – психиатр услышал знакомый голос и, обернувшись, увидел Вождя с наганом в руке.

– Доктор, а, в особенности, психиатр, – продолжил Вождь, – который не может по-настоящему, по-товарищески драться и не в состоянии набить морду кровному идеологическому врагу, является слабаком и должен быть наказан... Однако, учтя тот факт, что у нас нет времени держать тебя 25 лет в лагере под наблюдением моих бульдогов, я тебя полупрощаю. Но по приезду обратно в поместье ты будешь учиться у надлежащих товарищей боевому рукопашному искусству и стрельбе по живым, сидящим, стоящим, лежащим и ползущим мишеням.

Сказав это, Вождь исчез, заполнив лифт табачным дымом.

Доктор Зак еле доплел до своего номера, рухнул в постель и тут же, в одежде, заснул, даже не успев вытереть окровавленное лицо. Где-то внизу громыхали сирены машин и растерянные полицейские бегали вокруг раненых и навсегда

усопших Востроносов, пытавшихся покалечить гениального поместного психиатра.

Доктор Зак несколько недель путешествовал по отделению вместе с доктором Пиком, как губка, всасывая все премудрости и тонкости востроносовской психиатрии, а затем ему была предоставлена возможность одному поработать с пациентами.

Он уже собирался совершить свой первый осмотр, как вдруг в его кабинете внезапно появился Писатель. Тот выглядел очень бледным и усталым. Большие серые мешки под ушедшими в глубину глазниц полными тоски и отчаяния глазами. Писатель полусидел, полулежал на стуле и тяжело и часто вздыхал.

– Совсем я плох, – наконец тихо вымолвил он, – лекарства перестали работать. Совсем они неэффективные, поначалу вроде помогли, но затем – все, баста. Лежу целыми днями на сломанной кровати, починить ее нет сил. Подкалываюсь время от времени, руки дрожат, писать ничего не могу, а писать стало еще труднее. Вдохновение ушло, пока не вернулось. Все вижу в очень мрачном цвете. Марита от меня устала и проводит много времени на работе, стараясь из Народа сделать человека. Но у нее

ничего не получается. Народ от рук отбился, пьянствует, смуту наводит, бесчинствует, ничего делать не хочет, кроме как навозный хмель пить да травку курить, у кого деньги есть. Может, доктор Зак, вы уже чему в Востроносии научились, может, какие пилюльки есть, чтоб сейчас их прямо здесь сглотнуть. Вдруг полегчает? А?

– Вы понимаете, – немного опешил доктор Зак, – конечно, таблеточки есть, но опыта у меня маловато, подучиться надо...

– Ты, дружок, учись здесь быстрее, – надрывно простонал Писатель, – а то мы все, там, в поместье, скоро совсем со сломанных катушек слетим, да и, вообще, ты психиатр, ты же должен знать, как тяжело жить с поехавшей крышей.

– Ну, если она у всех одновременно сразу едет, – заметил доктор Зак, – то, наверное уже не так страшно...

– Страшно, страшно... – уверил его Писатель. – Жизнь хмурная у нас... Все нервные, дерганые, истеричные, агрессивные, непредсказуемые. Вон тут товарищ Вождь пытался сотню пластических хирургов расстрелять за то, что они ему плохо волосинку с бородавки на щеке удалили. Поставил всех их к стенке, но

наган осечку дал, видимо, заржавел. Ну, пока Вождь другой наган искал, они все поубега-ли, кто куда... Слуг Барина тоже не найти, они уже с другими рожами пьют в кабаках по всему свету. А Народ помирает... Совсем помирает Народ... Весь себя до кровищи избил... и все бьет и бьет и кайф ловит. За поимку одного агента Востроносов Народ объявил награду в три бутылки навозного хмеля. Совсем он головой тронулся... – Писатель вытер слезы грязноватым разорванным рукавом рубашки. – Так что вся надежда на тебя, доктор, давай обратно быстрее... лечи нас...

– Хорошо, Писатель, – пообещал психиатр, – сделаю все, что от меня зависит.

Доктор Зак долго и пристально, с большим сожалением смотрел на еле дышащего, утонувшего в собственном пессимизме Писателя, в полном бессилии сползающего с кресла на пол, а потом сказал:

– Писатель, соберитесь в конце концов, у вас есть сила воли и мужество. Мне помнится, как вы отчаянно спорили с товарищем Вождем по вопросу о постановках ваших пьес в театрах, не боясь расстрела и лагерей. Я в вас верю. Вы способны сейчас сесть за

перо и каким-то фантастическим образом так переписать, так переписать происходящие события, чтобы всем было хорошо. Я еще раз говорю, я уверен в этом.

Доктор подошел к Писателю и протянул ему авторучку и листы бумаги. Тот взял все дрожащими руками, долго думал, затем глубоко вздохнул и сказал:

– Хорошо, спасибо, что вы в меня еще верите... Я постараюсь... Может быть... Вполне возможно...

Он медленно растворился в воздухе, а доктор, поправив ненавистный галстук, натянул на лицо подобие улыбки, вышел из кабинета и направился в первую палату.

– Меня зовут доктор Зак, – громко сказал он, взглянув на человечка очень небольшого размера, лежащего поперек кровати, полностью укутанного в одеяло.

– Гм-гм, – громко прокашлялся доктор, предполагая, что больной, видимо, либо спит, либо просто не хочет с ним разговаривать.

– Да не кричите вы, пожалуйста, так, черт побери, – вдруг услышал доктор язык родного поместья, – не надо шуметь, надо спокойно разобратся в многопартийной ситуации...

Человек резким движением скинул одеяло на пол. При этом его правая рука неподвижно застыла в воздухе. Похожая на стрелку компаса, она указывала на запад.

Доктор Зак взглянул на лежащего на кровати маленького лысенького картавого человечка, сжимающего в крохотном, дрожащем от сильного психомоторного перевозбуждения кулачке свернутую в трубочку газетку («Правда») от 1916 года, и от неожиданности несколько раз икнул.

– Товарищ Пенин?! – только и успел произнести ошеломленный доктор Зак, а затем плавно упал на край пенинской кровати.

– Да что вы все заладили, придурки, Пенин, Пенин? —недовольно прогундосил, прокартавил, прошипел Пенин. – Надоело, обложили со всех сторон неприличным вниманием, кормят на убой, как кошерную свинью, а поместье – далеко. А мне надо быть там!!! – внезапно закричал он почему-то очень тонюсеньким голоском, – там! Надо туда, меня ждут, меня очень хотят иметь, надеются... мне нужен поезд, локомотив, нужны проклятые востроносовские деньги и документы, чтоб там, в поместье, наконец, все перевернуть, разрушить, повесить,

покалечить, изменить, задушить, сжечь и заново родить... – Пенин сильно брызгал желтой горячей слюной, так что психиатр, как ошпаренный, вскочил с кровати и быстро отпрыгнул в дальний угол палаты.

– А кто вы такой? Вы Доктор? – продолжал истерически орать Пенин. – Эти придурки мне уже вечность талдычат, что придет лечащий врач и меня вылечит. От чего меня надо лечить? Их надо всех, гадов ползучих, подлюг лечить, потому как они, тупые болваны и дебилы, мне не дают денег, не до конца понимая всю важность полного и глобального разрушения и уничтожения всего живого, думающего, дышащего, прямо ходящего и говорящего в проклятом поместье, которое я ненавижу всей душой. Ух я бы их всех!!! – Пенин замахал ручками и ножками, оскалился, выпучил красные глазки, зашипел и плюнул на стенку. Слюна закипела и прожгла в стене большую дырку.

– А как вы сюда попали, товарищ Пенин? – поинтересовался психиатр.

– Сбежал. Сбежал. Сбежал. Сбежал!!! Сделал себе мумию для дурака Народа, чтоб смотрел и уважал, и сбежал. А место, где мы

сейчас разговариваем, – мой шалаш для постоянного проживания, конспиративное кооперативное убежище, так сказать, я здесь очень давно, поджидаю нужный момент для нового глобального восстания, свершения и разрушения, – быстро, сильно картавя, объяснил Пенин, снова брызнув слюной на довольно далеко стоящего доктора, – и не надо больше задавать идиотских неуместных вопросов на эту тему, не вашего интеллигентно прогнившего ума это дело.

– А почему вы так ненавидите поместье? – искренне поинтересовался доктор Зак, по старой привычке пытаюсь проникнуть в суть происходящего, понять те мотивы, чувства, которые двигают людей на убийство или другого рода подвиги.

– Гуси, – уверенно ответил Пенин, – проклятые гуси и их помещик, падла, сука творожная, поработитель, угнетатель.

– А расскажите поподробнее, – попросил психиатр, все еще стоящий далеко в углу, очень заинтересовавшись гусиной проблемой.

В дверь палаты интеллигентно, тихо и вежливо постучали, она отворилась и внутрь вплыл немного взволнованный доктор Пик.

– Я услышал крик, решил заглянуть и проверить, все ли нормально... Можно вас на минуту, доктор Зак?

– Да, конечно, – ответил психиатр.

Они, с опаской озираясь на перевозбужденного гневного Пенина, вышли из палаты, а затем осторожно, плотно и надежно закрыли за собой дверь.

– Этого больного обнаружили очень давно, – сказал доктор Пик, – так давно, что, видимо, ни один Динозавр не сможет вспомнить. Он бродил, шатался по улицам, собирая в одну команду всех нищих, бандитов, проституток и наркоманов, пытаясь повести их за собой, чтобы свергнуть какую-то власть. Никто, по существу, не понимал, какую именно власть он собирался свергать. Затем он вбежал в центральный банк с игрушечным пистолетом и потребовал много денег, чтобы опять же свергнуть эту загадочную власть. Ну и его, естественно, привезли сюда. Вот, пытаемся лечить, но пока не очень успешно, может быть, у вас что-нибудь получится.

– Спасибо за полезную информацию, – поблагодарил доктор Зак и вошел обратно в палату.

– Расскажите мне про гусей – попросил психиатр Пенина и поудобнее уселся на стуле вдалеке от кровати.

– Гуси, – с ненавистью пробурчал тот, – проклятые гуси испортили, испаганили и закакали мне все оранжевое детство, закрасив его в черно-зелено-коричневый цвет. Они меня всегда люто ненавидели и сильно кусали. Вот, посмотрите, – Пенин откинул одеяло, быстрым движением скинул с себя всю одежду и доктор действительно увидел множество синяков, похожих на следы укусов, – проклятый угнетатор помещик меня не любил и постоянно натравливал на меня глупых, недалёковидных, идеологически незрелых гусей. Эти твари меня преследовали везде, куда бы я ни пошел. Даже залетали в форточку ночью, садились сверху и клевали, что есть сил. Я кричал, прибежали родители и били их палками, но гуси не боялись ничего и никого. Они клевали моего бедного родного брата до смерти. Он бедняга, умер от укусов. Я, весь в крови, ходил по деревьям, и простой, нехитрый, добрый Народ меня выхаживал, ставя мне на раны целебные травяные примочки. И так продолжалось все мое детство. Я был очень болен, ночами не спал, воя от болей, а днем вся моя

энергия уходила на то, чтобы найти безопасное место, где можно было бы укрыться, какой-нибудь шалашик, где можно было бы пересидеть и переждать, спрятавшись от гусиного беспредела. Но проклятый помещик, падла, сговорился с такими же другими сволочами, и они, отпустив всех своих гусей, натравили их на меня. Я бегал, как ошпаренный, по всему нашему необъятному поместью, орал от боли, просил о помощи, но ни одна сука, кроме Народа, мне не протянула руки. Я был так выведен из себя, что убежал в страну Верманию, где долгие годы лечился и вынашивал планы отмщения проклятым гусям-помещикам, а также думал о том, как можно отблагодарить Народ, так самоотверженно мне помогавший, несмотря на то, что кулаки постоянно секли его за это металлическими розгами по жопе. И я сделал, я отомстил... Все вроде бы шло хорошо, отлично, замечательно, ровно и гладко. Я завалил, перепилил, перестрелял, перевешал, сжег и заживо сгноил в их же проклятых огородах миллионы тварей помещиков и их приспешников, гусей. Но однажды я обнаружил себя в незнакомом месте, на улице, без средств к существованию. Я сразу понял, что это были проделки горстки чудом

уцелевших, убежавших от моего беспощадного смертоносного возмездия гусей, которые меня выкрали и бросили здесь погибать... Но я еще, доктор, не сломлен. Я полон сил и различного рода энергий для гигантских свершений и завершений. Они у меня еще посмотрят, гады!

Пенин вдруг начал очень быстро мямлить что-то совершенно несуразное, смеяться, плакать, качать головой и жестикулировать руками. Было такое ощущение, что он по существу, принципиально, по сути не согласен с кем-то невидимым и спорит, отчаянно доказывая свою правоту, все время показывая рукой на Запад.

Доктор Зак немного посидел в углу, подумал, а затем произнес:

– Пенин, а давайте попробуем мысленно перенестись в ваше детство.

– Что? – тот внезапно перестал ругаться с невидимкой и с удивлением взглянул на психиатра.

– А зачем мысленно? – доктор услышал голос Пантеры в своей голове. – Вы, доктор Зак, недооцениваете мою магическую силу. Я вас обоих сейчас ненадолго туда отправлю.

Доктор Зак не успел вымолвить и слова, как вдруг обнаружил себя в комнате, наполненной

снизу доверху шикарной антикварной мебелью. Аккуратные кружевные занавесочки на высоких окнах. Пианино. Топчан. Запах скипидара и горилки. На чудовищно громадном диване лежал человек, одетый в нижнее белье, с белым колпаком на голове, с пенсне на кончике сопливого носа. Он читал книгу. Человек на мгновение отвлекся, отложил книгу в сторону и взглянул на доктора Зака и маленького блондинистого кудрявого мальчика, прячущегося за узенькой докторской спинкой и дрожащего от ненависти.

– Ну что, доктор Зак, привет, – лениво протянул человек, – я помещик Шпольц. Ты чего ко мне этого засранца-поганца притащил, жида татарского?

– Мы поговорить хотим, господин Шпольц, – начал объяснять доктор Зак, – Пенин жалуется, что его ваши гуси совсем заклевали, прямо со свету сживают.

– И поделом маленькому поганцу, – с чувством прохрипел помещик, – нечего в моем огороде огурцы да помидоры воровать.

– А нет ваших огурцов и помидоров! – громко закричал маленький Пенин. – Они все Народу принадлежат. Они Народные!

– Ах ты поганец! – Шпольц вскочил с кровати, достал из печи кочергу и начал гоняться за маленьким мальчиком.

– Э... погодите, – доктор Зак бегал по кругу за помещиком, пытался поймать кочергу и немного разрядить ситуацию. Наконец он схватил Шпольца за рукав пижамы, подтащил к себе и, задыхаясь от быстрого бега, с трудом произнес:

– Господин, вам лучше этого маленького паршивца, эту маленькую гадину оставить в покое, иначе он убежит в страну Верманию, наклянчит там денег, вернется обратно, и, клянусь, у вас начнутся серьезные неприятности.

– Да бросьте, доктор, я не ваш пациент, я не сумашедший и не верю в то, что можно знать будущее. Ах ты поганец! – истошно закричал он и со всей силы бросил в маленького Пенина тяжелой кочергой, явно желая вышибить из маленькой головы мальчика гениальные мозги сверхразрушительной силы.

– Я Народу все расскажу! – пропищал мальчик. – Народ придет с вилами и отберет у вас свои овощи и фрукты! Мы скоро выстрелим в твою жопу из пушек.

Доктор Зак с невероятным трудом, обеими руками сдерживал бешеного, красноглазого,

плюющего огненной слюной помещика, реально боясь за жизнь мальчонки Пенина.

– Послушайте, – доктор Зак все-таки пытался объяснить смертельную опасность помещику, – ну поверьте мне, я знаю будущее, маленький Пенин немного подрастет, приедет обратно и всем вам отрежет головы, а потом скормит их вашим же гусям и свиньям. Не надо дразнить этого мальчику, ребенок очень опасен для жизни. Поверьте! Он чрезвычайно агрессивен, для него не существует закона, он будет шагать по вашим трупам, есть манную кашку с малиновым вареньем, смеяться и распевать песенки о том, как Народы всех стран должны соединиться и уничтожить всех на свете. Более того, вы не сразу умрете, вы будете умирать очень долгой, мучительной, голодной и холодной смертью далеко на востоке нашего поместья. Вы умрете в лесу, при морозе семьдесят градусов ниже нуля. В момент смерти у вас в руках будет топор, так сказать, рабочий инструмент, которым вас маленький мальчик заставит, под пытками, гордиться всей душой.

– Да, да, – крикнул малыш Пенин, – я сам, лично, этим топором вам, Шпольц, сначала обрублю ваш вялый жирный гусиный член, потом

уши, затем пальцы на ногах и руках, распорю живот, достану ваши поганые помещицьи кишки и скормлю голодным собачонкам Народа. А из вашего дома мы соорудим гигантский туалет, чтобы Народ больше не срал и ссал по всем кустам, и наступит светлое будущее.

Маленький Пенин схватил большую табуретку и со всей силы бросил ее в голову Шпольцу. Тот увернулся, и табуретка, шлепнувшись о стенку, отлетела в зеркало, разбив его на мелкие кусочки.

– Вот видите, – заметил доктор Зак, – показав рукой на бесчисленные осколки на полу, – плохая примета.

В комнате воцарилась тишина. Шпольц сидел на кровати, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону.

Малыш Пенин вскочил на стол, что-то пронзительно и воинственно закричал и вытянул руку в западном направлении, как бы показывая направление своего дальнейшего передвижения вперед с целью полного и окончательного уничтожения гусиного царства не только в поместье, но и во всей Вселенной.

Шпольц внезапно вскочил, пулей выскочил из комнаты, затем быстро вбежал обратно, держа в руках ружье.

Доктор Зак не обладал мгновенной реакцией, как и любой другой много и бесполезно думающий психиатр, и на секунду растерялся.

– Стреляй, сволочь Шпольц! – крикнул мальчик. – Все равно придет Народ и кастрирует тебя и всю твою семью, чтобы вы не плодили помещичьих гусей, уродцев.

– Нет! – закричал доктор Зак, но было поздно.

Помещик Шпольц выпустил в ребенка всю обойму.

Пенин засмеялся, с удивлением посмотрел на дырки на своем костюмчике и спокойно добавил:

– Ты Шпольц, как и все другие кулаки и гуси, интеллектуально недоразвит и не понимаешь сути и существа проблемы, неспособен вникнуть в ее зерно и сделать логические выводы. Я, Пенин, вечен. Мои идеи вечны. Мои планы – надежны и постоянно воплощаются в жизнь. А ты и такие, как ты, – обречены. И зря здесь доктор старается нас примирить. Мы – непримиримы. Пока я жив, буду беспощадно уничтожать всех вас. Я заполню вашими гнусными телами глубокие рвы вокруг нашего поместья, а потом их сожгу, чтобы костры были

видны всем недобитым запоместным недострелянным гусям и помещикам.

Шпольц опустил ружье. Вид у него был очень растерянный и грустный.

Доктор Зак немного покашлял, пытаясь собраться с мыслями, а потом произнес:

– Вы понимаете, прошлое есть прошлое, его изменить нельзя, но можно попробовать прекратить проливать кровь в будущем... Люди умирают, но их идеи, замыслы, желания, импульсы, стремления – все это продолжает жить и реализуется другими Пениными, Шпольцами, Гусями и Народами. У нас есть сейчас шанс поробовать положить всему этому конец, по крайней мере в нашем поместье. Протяните друг другу руки, простите друг друга.

– Да чтобы я, – воскликнул помещик, – да простил эту маленькую картавую жидо-татарскую мерзость!

Маленький Пенин схватил со стены саблю, которую помещик держал дома как сувенир, в мгновение ока подлетел к Шпольцу и одним махом срезал ему голову. Голова покатила по полу, каким-то образом вскочила на подоконник и упала вниз, прямо к лапам вечно голодных гусей. Гуси с удовольствием набросились

на лакомство, позабыв о малыше Пенине, который сейчас прыгал на кровати с саблей в руке, ликуя.

– Я не верю в психиатрию! – восклицал Пенин, – я верю только в хирургию!

Доктор Зак с огорчением смотрел на прыгающего ребенка и не знал, что делать дальше.

Внезапно все помутнело, доктор потерял ориентировку в пространстве, потом во времени и вскоре обнаружил себя снова в палате, где увидел лежащего поперек кровати Пенина. К большому удивлению психиатра, пациент выглядел очень даже довольным жизнью, можно сказать, счастливым. Пенин ласково улыбнулся и тихо произнес:

– Ну вот и все, доктор, моя миссия закончена. Враг побежден. Но только, к моему большому огорчению и сожалению, пока лишь в нашем поместье. Нам нужно не терять драгоценного времени и быстро продвигаться на Запад! Гуси меня сейчас уважают, не трогают, потому что я им показал свою смелость и решительность. Я думаю, что наши гуси выступят против мировой гусятины на моей стороне. Ах, как я жалею, что не сделал этого век назад. Ох, как много я смог бы разрушить, уничтожить, стереть

в порошок, повесить, расстрелять, распилить и снова родить...

Доктор Зак задумался, чтобы поточнее высказать свои соображения по поводу только что произошедшего кровавого события, но внезапно увидел как улыбающееся, довольное лицо Пенина медленно, но верно исчезает у него перед глазами.

– Постойте, – разволновался психиатр – вы куда?!

– Не волнуйтесь, – в палату вошел доктор Пик, – я его перевел в другое место, где пациента Пенина будут готовить к электрошоковой терапии... Мы уже много раз его били током по голове, но бесполезно. Однако другого выхода пока нет. Вы знаете, мы испробовали все медикаменты, но безуспешно, поэтому мы в очередной раз будем пробовать шок.

– У меня впечатление, что он себя немного лучше начал чувствовать, – осторожно, как бы сомневаясь в сказанном, очень неуверенно произнес доктор Зак.

– Это очень временно, я вас уверяю, скоро он опять будет кричать, плевать, ругаться и пытаться установить у нас какое-то очень странное правительство из бандитов,

проституток и наркоманов, затем выстрелить в наш зад из какого-то корабля и повесить абсолютно всех умеющих читать и писать людей на фонарных столбах. Так что я очень надеюсь, электричество в этот раз ему немного поможет... А если нет, то придется просто его периодически держать, привязанным к кровати, чтобы не бросался на других пациентов и персонал и их не кусал, крича, что он самый главный Гусь.

– Понятно, – ответил доктор Зак, немного подумав над сказанным, – будем надеяться, что электрошок спасет этот мир. Ну а я пока пойду в следующую палату...

– Конечно, доктор Зак, продолжайте практику и не стесняйтесь обращаться по любому вопросу, если понадобится.

Доктор Пик исчез, а Зак направился дальше по коридору.

Войдя в очередную палату, доктор увидел человека, сидящего на стуле, к нему спиной. Густая копна нерасчесанных грязных длинных черных волос, голова брошена на грудь, больничная пиджама свешивается до пола, руки висят, как плети, подчеркивая апатию и состояние безысходности.

– Здравствуйте, – начал психиатр и прошел немного вперед, чтобы увидеть лицо пациента. Больной резко повернулся на стуле к доктору лицом, и тот замер от неожиданности, потеряв дар речи. Это был Мастеровский. Да, безусловно, он.

– Мастеровский? Это вы? – изумился доктор Зак. – Как вы сюда попали?

Психиатр почувствовал, что ему необходимо присесть, поскольку его интеллигентные тонкие ноженьки сильно задрожали, больше не выдерживая резких эмоциональных перенапряжений. Доктор с облегчением бросил свою заднюю мозоль на краешек кровати и замер, надеясь услышать от Мастеровского какое-нибудь вразумительное объяснение.

– Доктор, – начал говорить Мастеровский, постоянно кашляя, – вы знаете, что я страдаю сильной депрессией и всякими другими нервными состояниями, однако я не совсем сумасшедший, еще могу немного, чуть-чуть трезво мыслить, и у меня пока нет никакого желания себя убить. Ведь только полностью поехавший умом человек может решить лечиться в нашем поместье, где даже невозможно найти клизму отечественного производства, а если и найдешь

ее, потратив большую часть жизни на поиск, то она будет обязательно уже многократно использована, с большими дырами и с вилами на том конце, который необходимо использовать по назначению. Я уже не говорю о наших лекарствах, которыми можно просто травить крыс, устойчивых даже к сильнейшему радиоактивному облучению... – Мастеровский замолчал, снова прокашлялся, а потом продолжил:

– В результате многолетних поисков мне удалось здесь найти родственника, вечного жида, который, после длительных раздумий, наконец, согласился меня у себя приютить и даже оплатить лечение из за своего безмерного уважения к таланту Писателя. Так вот, Воландский...

– Как? – перебил его доктор Зак, услышав вроде бы знакомое имя.

– Ну Воландский... мой старик родственник, вечный жид, иногда меня здесь навещает и все про вас, доктор Зак, спрашивает – когда вы, наконец, меня начнете лечить. Он о вас весьма лестно отзывался как о специалисте высокого класса. Воландский вам доверяет и даже, по-моему, сам хочет за помощью обратиться, что-то вроде у него память проседать начала с недавних пор. Старый он стал, знаете, хотя

совсем недавно, на балу, ох как вытанцовывал, никто за ним угнаться не мог. Марита, помню, за ним охотилась...

– У нее проснулся сильный аппетит, и она, почувствовав власть, за всеми сейчас охотится, – уточнил доктор Зак, – но давайте не будем отвлекаться. Итак, Мастеровский, расскажите мне, пожалуйста, о себе... Я немного о вас, так сказать, знаю по рассказам Писателя, однако всегда более интересно и информативно, когда все слышишь непосредственно из уст пациента.

Мастеровский глубоко вздохнул и начал говорить:

– Вы знаете, доктор, я очень страдаю без любви... Она мне нужна, как вода, как воздух, я постоянно, везде и всюду ищу женщину, которая была бы в состоянии мне ее дать, но не могу найти. Они все, рано или поздно, меня оставляют, закатывая сцены, скандалы. Истерики, крики... Женщины постоянно чего-то требуют, хотят... Они считают, что я им недостаточно уделяю внимания... В результате я всегда один-одинешенек... Я пытался переключиться на мужчин, поменять сексуальную ориентацию, но это, так сказать, не по мне... Мне нужна...

– Безраздельная божественная любовь? – попытался уточнить и глубже понять суть проблемы доктор Зак.

– Ну да, конечно, вы правы, доктор, безраздельная материнская любовь... Я ее не могу нигде найти, им всем нужно что-то взамен... Чувства, секс, внимание, заботу, сильную привязанность, деньги, жилплощадь... Я устал от всего этого... – на его большие, навывкате, карие, грустные, с поволокой глаза наворачивались голубые слезы.

– Мастеровский, – произнес доктор Зак, пытаясь перевести течение разговора в другое русло, – расскажите мне о вашей матери. Все, что знаете.

– Я, честно говоря, очень плохо ее помню, правда, дед Воландский мне немного о ней рассказывал, так как знал ее довольно хорошо. Я родился в интеллигентной семье. Мои родители были учителями, говорили по-французски, у нас был большой дом и сад. Я помню, в саду росло множество яблоневых и вишневых деревьев. А потом власть в поместье захватила маленькая лысая картавая сволочь, которая расстреляла моего отца и выгнала нас с матерью на улицу холодной зимней ночью, чтоб мы умерли

от холода и голода. Мать отнесла меня к соседке и оставила там, обещая, что скоро придет назад и меня заберет. Но она никогда не вернулась. Я не знаю, что с ней стало. Я всю жизнь пытался ее найти, обежал все архивы, но безуспешно... Никто ничего не видел и не знает. Просто исчезла, и все. Так что я рос без матери. Соседка была строгая, какая-то совсем без эмоций, похожая на воблу, полностью отмороженная на всю ее больную голову, явно ваша пациентка. Не помню, чтобы она мне хоть раз сказала доброе слово или погладила по голове. Я рос, как солдат. А ее муж, когда напивался, а он прикладывался к навозному хмелю каждый день, меня бил кочергой по голове, говоря, что я кулацкий выродок и недобитый буржуй и меня надо к стенке, но ему жалко денег на патроны. У него еще лучший друг был, который мне тоже часто подзатыльники давал, даже, помню, фамилия у него такая была смешная – Шариковский.

– Так, – протянул доктор Зак и надолго задумался.

Психиатр встал с кровати и, подойдя к окну, долго рассматривал непривычно чистый для его глаза клен, раскачивающийся в разные стороны под сильными порывами осеннего холодного

ветра. Он внезапно увидел Пантеру, сидящую на одной из крупных веток дерева.

– Я все понял, доктор, – хихикнула она, – сделаем.

В мгновение ока доктор Зак и Мастеровский оказались в малюсенькой комнатухе-клетке. На худеньком, сломанном, поцарапанном вечностью столе стояла маленькая, едва мерцающая свечка, освещающая лишь небольшую часть комнаты. Все остальное надежно скрывалось в таинственном полумраке. Пахло керосином, дряхлостью, страхом, смертью, безнадежностью, апатией, катастрофой, доисторической колбасой и крысиным ядом. Мастеровский, сейчас маленький мальчонка, сидел на стуле и, высунув язык, увлеченно двигал по столу солдатиками, сделанными им из хлебного мякиша.

– Мальчик мой, – вдруг услышал женский голос доктор Зак, – мальчик мой!

Из полумрака с трудом выползла к свету маленькая и худенькая женщина, целиком завернутая в серый, изъеденный молью, дырявый шерстяной платок. Она была совершенно седая, с безумно измученным, усталым, сильно порезанным временем лицом.

– Мама!!! – воскликнул Мастеровский и бросился к ней, забыв про хлебных солдатиков, которые упали на пол и тут же были расхвачены мириадами голодных мышей.

Она наклонилась, поцеловала его и прижала к своей груди.

– Мама, мама, – повторял Мастеровский, – где же ты была, я тебя везде искал... везде, где мог...

– Извини, – она его целовала, – прости, но я должна была уйти, кровожадные бульдоги маленького лысого картавого дьявола искали нас везде и я не могла подвергнуть твою жизнь риску. Мы бы в лучшем случае умерли от холода и голода. Они меня поймали несколько дней спустя в одном из темных переулков, когда я решила присесть и отдохнуть. Поймали и растерзали, разорвали на куски.. Я благодарила Бога, что тебя не было со мной.

Она села на стул, посадила его на колени и они очень, очень долго сидели, обнявшись.

– Так ты теперь меня больше не оставишь? – наконец с опаской спросил он.

– Нет, конечно, нет, – ответила женщина, – я теперь всегда, всегда буду рядом с тобой, даже если ты меня не будешь видеть. Ты все

время будешь чувствовать мою любовь к себе.

Доктор Зак прослезился от внезапно нахлынувших на него непривычных чувств. Он долго смотрел на медленно догорающую свечу, потом присел на старый допотопный сундук, прислонился к стене и уснул.

– Доктор Зак, проснитесь... – психиатр услышал голос доктора Пика.

Зак открыл глаза и увидел себя спящим в кресле в своем кабинете.

– Где я, что... кто... – пробормотал он, пытаясь собраться с мыслями. – Где Мастеровский?

– Знаете, пока вы спали, Мастеровского забрал его дед Воландский. Он зашел его проведать и сказал мне, что Мастеровский уже вполне здоров, доволен жизнью и ему пока выписываться. Я предложил им повидать вас, но они не захотели вас будить и пообещали прийти позже, в один из дней.

– М-да... – пробурчал доктор Зак, – вы знаете, доктор Пик, я не могу понять, почему мне попадаются сплошные земляки, я когда-нибудь увижу местного Востроноса... извините, пациента?

– Конечно, конечно, доктор Зак, безусловно, но у нас возникла острая неотложная необходимость оказать помощь именно им, вашим землякам, поскольку они чрезвычайно ужасно, страшно больны и, знаете, очень плохо поддаются нашей медикаментозной терапии. Известно, что у вас в поместье всегда было принято в лечении пациентов делать больший акцент на психотерапию, так сказать, нежели чем на таблетки, а у нас с этим делом неважно. Наши психиатры очень давно полностью разучились разговаривать, зато научились быстро выписывать рецепты.

– Но меня сюда послали именно для того, чтобы я изучал фармакологию, поскольку все в родном поместье считают, что только лекарства и могут им помочь, – заметил доктор Зак.

– Передайте вашим больным землякам, доктор, – попросил Пик, – что они глубоко ошибаются. Как я уже заметил, наши лекарства для них не очень годятся, здесь, у нас, фармакология очень специфична и подходит лишь для наших, так сказать, мозгов. Вашим больше разговорчики нужны, доктор, по душам, да с водочкой, да с банькой... Я много про ваше поместье читал,

с вашими больными разговаривал и совершенно убежден в правоте своих слов.

– Но они не могут больше друг с другом разговаривать, с водочкой, да на кухоньках, – Зак попытался объяснить ситуацию доктору Пику, – все друг друга ненавидят, презирают, завидуют, говорят гадости, пишут доносы. Все убеждены, что окружены врагами, ворами, предателями и шпионами. Все готовы закопать друг друга в землю при первой возможности...

Они оба долго молчали, погрузившись в размышления.

– Так меня сюда напрасно послали? – наконец спросил разочарованный доктор Зак.

– Нет, почему же, – парировал доктор Пик, – продолжайте здесь заниматься тем, к чему у вас лежит душа. Вы думаете и двигаетесь в процессе лечения больных в правильном направлении. Мы за вами пристально наблюдаем и у вас учимся, хотя вы об этом даже не подозреваете. Именно поэтому мы вас, в принципе, и решили пригласить. И ваша Пантера тоже находится под нашим постоянным наблюдением и, поверьте, с тех пор как вы и он, доктор, здесь появились, мы уже кое-чему у вас научились. И это поможет нашим бессловесным психиатрам повесить

свою квалификацию. У нас, в нашей стране, как я уже успел заметить, мы не разговариваем с пациентами, не задаем вопросов, не лезем в душу. Все очень просто. Болезнь – таблетка. Таблетка – болезнь. Вот так. Так что, по сути, я подумываю о том, чтобы послать наших психиатров к вам на стажировку на пару лет, чтоб уму-разуму набрались.

– Надо же, – удивился доктор Зак, пытаясь переварить все, что только что вывалилось изо рта доктора Пика.

– Так что продолжайте в том же духе, – доктор Пик хлопнул Зака по плечу, – у нас здесь много ждущих вашей помощи больных.

– Но наши, из поместья, – в который уже раз продолжал настаивать на своем доктор Зак, – надеются на ваши современные лекарства – поэтому они сюда и приехали. Они же ждут, что я им начну выписывать медикаменты. Что мне теперь делать?!

– Ваши земляки не только поэтому сюда приехали, доктор, – сказал доктор Пик после длительной паузы, – они мне объяснили главную причину, почему они все здесь. Больные приехали, потому что у вас в поместье душно, невозможно дышать. И я здесь не имею в виду

процент кислорода, углерода и азота в воздухе. Я имею в виду процент агрессии и ненависти, процент презрения к общепринятым человеческим ценностям, норме поведения, морали. Даже просто факт выезда из поместья уже сам по себе является полезным для здоровья фактором, который непосредственно заводит механизм выздоровления.

Доктор Зак даже не услышал, как Пик вышел из кабинета. Он был глубоко в своих мыслях, пытаясь проанализировать конгломерат эмоций, впечатлений, находок и заблуждений. Но тщетная попытка провести тщательный анализ лишь загнала его усталый мозг еще больше в трясину суеты. Доктор в конце концов потерялся в лабиринте своих же собственных рассуждений и, оказавшись в логическом тупике, оставил себя там отдыхать, по крайней мере, на время.

По окну внезапно стал изо всей силы колотить град, и доктор Зак полувернулся в полуреальность кабинета, уже полуприкрытого вечерним коричневым покрывалом.

Он вышел и направился к очередной палате, мысленно призывая Пантеру на помощь.

– Пантера обедает, у нас сегодня рыбный день, но скоро освободится и вам поможет,

подождите немного, расслабьтесь, не напрягайтесь сильно, – доктор Зак услышал в голове необычно бодрый, почти веселый голос Писателя.

Сейчас доктор Зак уже был почти готов к любого рода неожиданным поворотам в его сногшибательной востроносовской практике и, уверенно толкнув ногой очередную дверь, вошел вовнутрь и сразу обомлел. В очень даже комфортабельной палате, обставленной как шикарный гостиничный номер, находились сразу два пациента, мужчина и женщина. Красное платье и соломенная шляпка смотрелись очень органично рядом с мундиром, мундштуком, кирзовыми сапогами, усами и пачкой «Казбека».

И тут доктор Зак внезапно почувствовал, как его начинает переполнять злость. Ему было необходимо высказать все, что накопилось в душе за последнее время, и он почувствовал, что если этого не сделает, то просто взорвется и разлетится мелкими кусочками по разным временам и пространствам. У него перед глазами возникла сцена, где он, разбитый вдребезги, разлетается по сторонам, а все население земного шара бьется в истерике, стоя на коленях, плачет и причитает, рвя на себе последние остатки

волос, понимая, что они потеряли гениального психиатра: «Доктор, доктор Зак, вернитесь, кто же теперь будет лечить нашу безысходно больную голову!!!» – истошно вопили люди-человеки.

– Вы меня сюда послали, – раздраженно бросил доктор Зак находящимся в палате людям, – чтобы я обучился востороносковскому психиатрическому мастерству, их методиками, лекарствам и аппаратуре, которую они используют для постановки диагнозов. Я изучал все это долгое время. В конце концов выяснилось, что все эти методы лечения совершенно негодны для нас, жителей поместья, потому что мы, в принципе, сделаны из совершенно другого биоматериала, у нас другая комбинация генов, которая делает нас именно такими, какие мы есть. Наши гены кардинально отличаются от генов всех родившихся и живущих за пределами поместья. В результате этого мы можем лечиться только теми методами, которыми лечились наши предки веками назад, примитивно простыми – водочка, банька и разговорчики на кухоньках вечером. Вы думаете, мне здесь было легко все это время? Приходилось улыбаться тысячи раз в день абсолютно без повода. Какая

это была пытка! А постоянно сдерживаться, чтобы не выругаться матом и не сказать в лицо, что ты реально, по-честному думаешь о них, о жизни, о себе и обо всем на свете?! А сотни раз в день не толкнуть, не плюнуть в лицо, не набить морду, не бросить булыжник, как это мы привычно ежедневно делаем в нашем родном поместье... Вы думаете, это легко?! А, извините, просто не поссать и не посрать за кустом возле больницы или гостиницы?! А не схватить за попку и не отодрать в процедурной молодую красивую медсестру, которая целый день строит мне глазки?! Да вы меня сюда на пытки отправили! Я устал и хочу назад, в родное поместье, к маме, в маленькую двухкомнатную квартиру, хочу жить на нищенскую зарплату, желаю срать и ссать где захочется, бить чью-нибудь морду, непохожую на мою, и плевать во все стороны. Я хочу быть самим собой, в конце концов, неужели не понятно? !

– Во первых, товарищ доктор Зак, успокойтесь, – произнес Вождь, медленно вставая с кресла, – я еще пока не Бог, хотя вот-вот им стану, это лишь вопрос времени. Вам всем осталось ждать очень недолго. И когда я буду Богом, у меня будет абсолютный контроль над моим

поместьем, которое распространится на все миры. Но это – потом. Да, я ошибался, и Марита тоже в отношении наших мозгов, которые, как оказалось, по сравнению с их мозгами, сделаны из совершенно другого, можно сказать... – он долго молчал, раскуривая все время тухнущую трубку, – материала, более устойчивого, надежного, может быть и более грубого, но и более правильного, честного, неподкупного, умного, настойчивого, беспощадного, непримиримого и, главное, гордого за родное поместье. И очень хорошо, пусть они лечатся своей таблеточной отравой, а мы снова попробуем со всей товарищеской решительностью бабушкино средство – водочку, да баньку с разговорчиками. Мы с Маритой заставим и пьяницу Народ, и вшивую, ненадежную, продажную интеллигенцию поверить в то, что есть еще небольшая, крохотная, но реальная возможность довериться избранным товарищам и поделиться с ними сокровенным, посудачить по душам, да с водочкой, да вечером, да в баньке.

Он очень долго молчал, расхаживая по палате, глубоко и сосредоточенно размышляя о чем-то.

– И, – добавил, наконец, он, – помогут не только разговорчики, но и солидные мордобойчики,

а также посильный труд, а именно – выкапывание голыми руками мумий динозавров из льдов Арктики. Мне доложили, что вяленые яички динозавров очень полезны для восстановления мужской потенции. А это абсолютно необходимо для нас, поскольку все мужской население поместья является глубокими и законченными импотентами в результате непомерного потребления навозного хмеля, и у нас сильно падает рождаемость. А это плохо, так как падает уровень ненависти ко всему, непохожему на нас и на нашу... – Вождь снова задумался... – нашу твердую, устойчивую, грубую, надежную породу...

Доктор Зак полулежал на шелковом ковре в середине палаты, пытался вслушиваться в то, что произносил Вождь, однако не мог сосредоточиться, поскольку перед его внутренним взором постоянно мелькали многочисленные изящные попки и короткие юбочки, отвлекая его внимания от гениальной речи.

– Да, да, конечно, – прощепетала Марита, начав танцевать на месте. Она была грациозна и изящна в красном платье. Соломенная шляпка упала на пол. Марита звонко смеялась и, кружась, плыла к доктору Заку. Наконец она упала на ковер рядом с ним и, улыбаясь, прощепетала:

– Зак, я так счастлива с товарищем Вождем. Это единственный настоящий грубый, сильный, волевой, целеустремленный, храбрый, ни в чем не сомневающийся мужчина, который остался в нашем захирелом поместье. Наш Народ – просто слизкая злая подлая козявка, мерзкая улитка, которая способна только на то, чтобы с утра до вечера пить навозную бурду, лежать в грязной канаве, временами оттуда выбираться и бить смертным боем всех, кто на него не похож, обвиняя во всем Востроносов. Я не могу больше там находиться. Я ошибалась, думая, что могу что-то для них сделать. Нет! Ни для них, ни для моего бывшего мужа Писателя, который, находясь в полном различного рода бессилии, не может сделать абсолютно ничего, даже написать что-нибудь стоящее.

– Марита права, – Вождь подошел к доктору Заку, присел перед ним на корточки и целый день ему дымил прямо в лицо, – я единственный в поместье мужчина. Был, есть и вечно буду. Я осчастливил Мариту, я сделал то, на что не был способен ни Мастеровский, ни ты, ни товарищ Писатель, никто... Нам очень хорошо за пределами поместья, мы отдыхаем от тревог, грязи, крови, стонов, голода, холода, стрельбы,

пыткок, хамства, драк... Нам надо здесь отдохнуть, чтобы, вернувшись назад, начать, опираясь на надежных товарищей, бывших слуг Барина (кстати, они тоже здесь сейчас лечатся) громить и уничтожать врагов поганых с новой силой... Мы здесь, на лечении, по приглашению подлых тварей Востроносов. И лечишь всех нас ты, именно ты. Потому что они просто не понимают, что с нами делать... Как с нами разговаривать... Как к нам найти подход... А ты знаешь... Поэтому сейчас нам всем нужен не только длительный отдых, но и ты, а именно твоя способность залезть в корень проблемы и, конечно же, паршивая Пантера с ее магической силой... которую я от нее отниму, когда это понадобится нашему общему делу.

Товарищ Вождь обнял Мариту, и доктор Зак обратил внимание на то, что они вместе выглядели довольно счастливой парой.

– И еще, – добавил Вождь, – я признаю свою ошибку, я считал, что есть волшебные таблетки, которые вправят мозги всему населению поместья, но, увы, таковых не имеется...

– Это не была твоя ошибка, Вождь, – все внезапно услышали голос Писателя, который как бы доносился одновременно со всех сторон, – это

было мое предположение, ошибочное предположение... И, вообще, дорогие герои моих книг, не обольщайтесь на тот счет, что у вас есть свобода воли, что вы можете что-то менять и способны самостоятельно принимать решения, вы всего навсего плод моего гениального воображения, вы живы только благодаря тому, что я постоянно о вас думаю... Пытаюсь исправить трагическую ситуацию, но...

– Не забывайте, Писатель, – задумчиво произнес Вождь, – не забывайте, у вас тоже нет никакой свободы воли... И чья-то верная и надежная товарищеская гениальная рука уверенно водит вас по шахматной доске, где все мы, по сути, лишь марионетки – и короли, и королевы, и пешки.

– Да, да... конечно... – согласился Писатель, – и эту гениальную руку тоже двигают, и так до бесконечности...

– А кто же в конечном итоге двигает все? – удивилась Марита, – кто этот всемогущий?

– Я, – громко хихикнул кто-то, и в палате внезапно появилась Пантера, – это я! Неужели вы еще не поняли?

Она сейчас была похожа на египетского сфинкса, хотя немного меньших размеров. Пантера

пристроилась сбоку доктора Зака, положив на его задумчивую, философско-продолговатую голову свою волшебную лапу.

– Неужели вы еще не поняли, – изумилась она, – я есть не что иное, как воплощение Всемирного разума в нашей четырехмерной реальности. Его материализованная в нашем мире сущность.

– Неверно, – заметил товарищ Вождь, – ты не Разум и не Бог. Я есть почти Бог и скоро им полностью стану. Ты просто паршивая, вшивая, полинявшая, вонючая Пантера, возомнившая себя невесть кем.

– Ах так! – злобно прошипела Пантера...

Доктор Зак внезапно увидел, как все вокруг как бы сгущается, превращаясь в какой-то очень густой пар, у него закружилась голова и он потерял сознание...

Когда психиатр пришел в чувство, то обнаружил себя в комнате, залитой ярчайшим светом, который струился как бы ниоткуда. Он сам стоял возле стола, на котором лежал довольно большого размера человек, накрытый серебряной простыней. Все вокруг очень сильно напоминало операционную комнату. Доктор обратил внимание на то, что сам он был одет

в длинный белый халат. На кистях – перчатки, на лице что-то вроде повязки, закрывающей рот и нос. Кругом стояли фигуры – люди, также в белых халатах, с повязками на лицах, необычно высокие, такие же, как и он сам – не меньше трех метров. Доктор Зак увидел у себя в руках инструменты, явно предназначенные для операции. Самое интересное и неожиданное для него было то, что он совершенно четко знал, что необходимо сейчас делать. Доктор уверенным движением сделал надрез на коже черепа человека, лежащего на столе, и начал работать. Люди, стоявшие вокруг стола, ему ассистировали, подавая различные материалы и следя за показаниями многочисленных приборов, расположенных вокруг.

Доктор Зак совершенно четко знал, что, в этой, другой, жизни его имя доктор Бак, ему 213 лет и он хирург, специализирующийся на операциях по пересадке мозга. У него есть жена, 17 детей, 33 внука. Он живет на планете Иемля в созвездии Ведведицы. Он счастлив и доволен жизнью. У него все хорошо и замечательно. Он – личный врач семьи правителя в государстве Местье.

Операция прошла очень удачно. Доктор умылся, снял халат, вышел в больничный

ботанический сад, чтобы немного отдохнуть, где к нему тут же подполз садовник по имени Карод. Подвыпивший садовник был весь вымазан в грязи, облеплен листьями, лягушками, червяками и гусеницами.

– Доктор, – прошипел Карод – я случайно услышал разговор двух слуг Правителя, когда работал у него в саду. Они готовят покушение, хотят его убить и захватить власть в нашем Местье. Все уже об этом говорят, но Правитель даже слышать не хочет, он так влюблен в свою новую жену, что совсем потерял голову. Может быть. вы на него повлияете? Он вас очень сильно уважает.

Уже через несколько минут доктор Бак находился в резиденции Правителя. Тот гулял в саду со своей новой супругой, пребывая в превосходнейшем настроении. Доктор Бак совершенно четко знал, что Правитель был не кто иной, как товарищ Вождь в одной из своих жизней, а его супруга – Марита.

– Господин. – доктор Бак приблизился к ним, – я хочу с вами поговорить.

– Знаю, знаю, – засмеялся Правитель, – вы выглядите взволнованным, напрасно. Не верьте в эту чушь. Это бред несусветный. Никто не

хочет меня убить. Я – самый любимый и уважаемый человек в мире. Нет ни одного существа, которое бы меня не обожало, которое бы желало мне или моей любимой жене принести вред.

Правителя и его жену окружало множество красивых, белых, лохматых псов, которые игрались на траве. Барин в этой жизни был громадного размера рыжим псом, самой любимой собакой жены Правителя. Он надзирал над всеми остальными псами, чтобы те вели себя прилично, и сейчас, с важным видом, сытый и всем довольный, восседал на высоком холме, любуясь окрестностями.

– А вот и мой главный советник! Мой главный жрец, провидец и писарь! – радостно воскликнул Правитель и поприветствовал худого человека в длинной, золотистого цвета одежде. Доктор сразу же узнал в нем Писателя.

– Мой правитель, – тихо сказал Жрец, – будьте осторожны, я вам советую усилить охрану, сейчас очень опасное для вас время, я сверял данные по нашему планетарному календарю.

– Глупости, мой преданный друг, – правитель похлопал Жреца по мудрому плечу, – какие глупости, я уже говорил своему главному

лекарю доктору Баку, что меня все любят и желают счастья.

– Это существа не с нашей планеты, – объяснил Жрец, – они с планеты Остроносов. Их агенты уже давно здесь, среди нас, готовят государственный переворот.

– Какие глупости! – засмеялся Правитель. – Я недавно посетил их планету – замечательные дружелюбные сужества!

В это мгновение раздался невероятный грохот, и доктор увидел громадный огненный шар, который моментально втянул их всех в себя. Потом все исчезло.

Доктор Зак с трудом открыл воспаленные глаза и обнаружил лежащих рядом с ним на ковре взволнованных Мариту, Вождя и Писателя.

– Ну что? – загадочно ухмыльнулась Пантера, с гордым видом восседающая сейчас на столе. Животное громко чавкало, с аппетитом жуя яблоко, плевало семечки на пол и очень нагло и пренебрежительно смотрело на находящиеся в палате людей. – Все понятно? Вспомнили теперь, кем вы были в другой жизни? Поняли, откуда у вас все эти мозговые психопроблемы?

В палату зашел доктор Пик.

– Добрый день, – поздоровался он, – как все себя чувствуют?

– Вот, доктор Пик, – Пантера тщательно смочила лапу языком, пригладила усы и небрежно махнула хвостом в сторону остальных, – переволновались немного. Но мое чисто профессиональное мнение – такого рода психовстряски положительно влияют на мозги, сдвигая их в нужную сторону.

– Правильно, Пантера, – согласился доктор Пик, – совершенно верно.

– Не понял, – Писатель выглядел совершенно растерянным, – что происходит? Где мы? Это сон? Иллюзия? Гипноз? Кто все это придумал? Я ничего подобного не писал. В некоторых местах нет логической связки. Отдельные сценки просто не закончены. Какой-то странный, дикий, неуклюжий, мне не свойственный стиль письма. Совершенно нет развязки. Нечетко выписаны характеры. И везде лекарства!!! Я не понимаю, что случилось с романом?!

– Да все просто, – объяснила Пантера. – Вы, Писатель, наделили меня магической силой. Я решила ее использовать и смешала прошлое, настоящее и будущее, создав новую реальность, в которой каждый имеет свою жизнь и болезнь.

Здесь вы – гениальный Писатель, страдающий от зависимости и депрессии, который пытается всех спасти с помощью таблеток доктора Зака, забыв напрочь про родную, проверенную веками, народную банно-водочно-разговорную альтернативную медицину. Сам доктор и все остальные, кроме меня, конечно, – существа, насмерть запутавшиеся в пертурбациях и хитросплетениях Поместной жизни. Вы все уставшие, больные, поверившие в то, что можно осчастливить себя, напихав в рот пилюль. Барин здесь, по сути, в принципе и по существу, маленький, вшивый воришка, песик, по сравнению с мощным, кровавым хищником волком, товарищем Вождем, в котором живут, процветают и ждут скорейшего воплощения в жизнь мечты Пенина. Марита – есть суть феминизма, зашедшего в тупик. Востроносы – жертвы техногенной революции, полностью утратившие навыки элементарного человеческого общения. Да что мне рассказывать... Вы все там, в книге, на своих местах... Да ладно... Что вы так зло на меня смотрите? Что, пошутить что ли нельзя? Не понравилось? Ну извините... Все жалобы к Писателю, это он меня создал...

– И что теперь? – ошарашенно произнес доктор Зак.

Пантера внезапно вскочила на задние лапы, подпрыгнула высоко в воздух и стукнула лапой по окну. В палату хлынул свет. Доктор Зак зажмурился. Через некоторое время он открыл глаза и увидел себя стоящим на Прасной площади возле Павзолея. Было страшно холодно под сильным дождем. Психиатр поежился и, все еще одетый в больничный белый халат, побрел в сторону Премля. Надо было что-то менять, кого-то лечить, но мысли разбегались. Поэтому, чтобы сосредоточиться, сначала надо было согреться, выпить водочки, поговорить с кем-нибудь по душам, погреться в баньке и, может быть, набить кому-нибудь морду для удовольствия. Навстречу растерянному психиатру шел голодный, агрессивный, озлобленный Народ, с ненавистью смотрящий на его длинный с горбинкой нос. От доктора Зака пахло востроносным духом, и премлевские бульдоги за высокой стеной захлебывались в истерическом лае, пугая слуг Барина, а также и его самого, сейчас качающего мышцу на тренажере своего быстро убегающего времени. Барин закончил тренироваться, прошел в раздевалку и очень долго, с большим наслаждением, тая от восторга, приближающегося по силе к оргазму, пристально рассматривал в зеркале свое тело.

– Твоя мохнатая шкура мне дороже всего в этом мире! – прохрипел Барин своему отражению, оскалился и, оставшись довольным собой, с наслаждением пукнул.

Доктор Зак внезапно услышал сверху жуткий грохот, поднял голову и увидел в небе ослепительно яркое свечение.

Это ракеты Барина летели в страну Востроносов.

– Нет, надо будет придумать другое окончание, – подумал доктор Зак и быстро зашагал домой, продумывая на ходу несколько вариантов более оптимистической концовки, которые надо будет предложить Гению, передвигающему фигуры на шахматной доске.

Писатель отложил в сторону рукопись и откинулся в кресле.

– Так это ты Гений, который двигает фигуры на шахматной доске? – он услышал голос существа, сидящего на спинке стула.

– Нет, конечно, – улыбнулся Писатель, – но об этом будет продолжение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1.....	3
Глава 1	3
Глава 2	34
Глава 3	62
Часть 2.....	92
Страна Востроносов	109

Уважаемые читатели!

Издательство «Спутник+»
предлагает:

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
 - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
 - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
 - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
 - 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
 - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
 - 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
 - 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + Набор, верстка, корректура и редакция текстов.
+ Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).
- Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.

Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8 А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)
http://www.sputnikplus.ru e-mail: print@sputnikplus.ru

Доктор Ги Дзен

ПСИХИАТР ДОКТОР ЗАК, БАРИН И ЕГО НАРОД

Издательство «Спутник +»

109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.

Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9 до 18)

Подписано в печать 07.12.2016. Формат 70×100/32.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5,75.

Тираж 50 экз. Заказ 1020.

Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»